

**Пути
непроглядные
Миры Лунасгарда III**

Анна Мистунина

Анна Мистунина

Пути непроглядные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book!?art=9287497

ISBN 9785447405540

Аннотация

Лиандарс. Край вересковых пустошей и полых холмов, древних дубрав и стоячих камней. Рольван – королевский офицер и верный рыцарь Церкви, защитник страны от темного языческого прошлого. Игре – заговорщица, языческая жрица, виновница смерти епископа, приемного отца Рольвана. Рольван отправляется в погоню. Приказ ясен: доставить преступницу на казнь. Не останавливаться. Не отступать. Хранить истинную веру и не сомневаться. И уж тем более не влюбляться! Но что ему делать, если все пошло не так?

Содержание

Часть I	5
Глава первая, предварительная	5
Глава вторая, воинственная	29
Глава третья, необратимая	48
Глава четвертая, пугающая	77
Глава пятая, неожиданная	108
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Пути непроглядные

Анна Мистунина

© Анна Мистунина, 2022

ISBN 978-5-4474-0554-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Разными дорогами

Глава первая, предварительная

На протяжении двух лет оставался я на этом острове, не переставая удивляться свирепости этого народа и его исключительной силе, ибо поистине на всей земле нет воинов бесстрашнее и безрассуднее их. Из самых отважных они избирают себе воздей, которых зовут королями, и до тех пор король правит своим народом, пока не оставит его удача в бою или не найдется в нем другого недостатка.

Если же случится такое, король бывает низвергнут, а на его место выбран другой из того же рода. Ведуют сим мудрецы, подобные нашим магам или философам. Об этих последних, называемых дрейвами, следует говорить особо. Власть их так велика, что ни одно дело не может быть решено без их участия.

Дрейвы руководят общественными жертвоприношениями, которые устраивают в дни праздников или других важных событий; выступают судьями во всем, что касается религии и других спорных вопросов, а также занимаются обучением юношества.

Если же кто не слушает их слов, на того налагают проклятие, приводящее его в конце концов к смерти, и это худшее из наказаний, которого страшатся даже величайшие из великих.

Поистине, дрейвов следует считать подлинными правителями этого народа, короли же, обитающие в роскошных дворцах, лишь исполняют их волю.

Патреклий Сорианский «О народах»

Корень же и рассадник всякого зла на этой земле – дрейвы, служители местных богов, которым они приносят человеческие жертвы, смутьяны и богохульники. Всюду, где только они появляются, зреют семена смуты, так что восстания вспыхивают здесь и там.

На подавление этих восстаний уходят все наши силы. С тех пор как по приказу императора Тибуция, сына богов и отца всяческой мудрости, их занятия караются смертью, дрейвы научились скрываться и занимаются теперь вредительством тайно, прячась в лесных убежищах и пещерах. Великим облегчением для всех нас станет тот день, когда эта варварская и бесчеловечная религия исчезнет с лица земли.

*Клет Нимартий, легат седьмого легиона,
Лиандарс*

Мы забыты, но не мертвы.

Надпись на поверженном жертвеннике. Автор неизвестен

Без толпы не обходится ни одна казнь. Вздернут ли на кое-как оструганном столбе нищего бродяжку-вора, соберутся ли, на радость всему народу, рубить головы знатным пленникам-канарцам, когда их вожди снова, как почти каждый год, нарушат договор и возьмутся отвоевывать новые территории вглубь от восточного побережья, – толпа будет здесь.

Будет глазеть, переговариваться, двигать челюстями, как будто вкус чужой смерти на языке заставляет ее полнее ощущать собственную жизнь.

Но сегодняшняя казнь была особенной, и толпа собралась ей под стать. На площади и соседних улицах не осталось и пяди свободного места. Казалось, не только Эбрак, престольный город короля Дэйга, но и весь Лиандарс собрался сюда.

Под ледяным дождем, что другой день мигом вынудил бы их забыть обо всем и искать укрытия. На ветру, что заставлял хлопать и биться по ветру королевский штандарт и рвал покрывала с женских голов, по щиколотку в вязкой грязи, толпа все росла и росла.

Люди взгромождались друг другу на плечи, поднимали на руки детей. Люди смотрели.

Рольван ненавидел толпу даже в лучшие дни. Сегодня его ненависть раздулась гноящимся нарывом, грозила лопнуть. За ненавистью он не чувствовал ничего, даже головная боль после вчерашнего затяжного ужина казалась ненастоящей.

Ужин, надо сказать, был славный. Они втроем уничтожи-

ли почти бочонок густого ячменного эля, не считая вина, которое лилось рекой: платил за все Торис. Жалование веселого гиганта, выданное сразу за три месяца, ушло в одну ночь. В следующий раз угощать придется Рольвану. Гвейр, как всегда, раскошелится последним и будет подолгу вздыхать над каждой монетой. Дело привычное.

Головная боль, шум толпы, будничные мысли – лишь способ отвлечься от кошмара этого дня. Способ не сойти с ума от тоски и жалости.

Тоски, потому что действо на площади слишком жестоко, но изменить ничего нельзя.

Жалости к золотоволосой фигурке, идущей к ступеням эшафота с гордо поднятой головой, в сопровождении, все еще, своих придворных дам. К пожилому королю на троне, чье лицо свела судорога боли, но рука, готовая подать знак, не дрогнет.

Но больше всех, острее всех – к старику в алом с серебром одеянии, принимающему последнюю молитву осужденной. Подносящему к ее губам божественный символ – расцветшие в знак мира меч и копьё. Говорящему негромко какие-то слова – утешения? Сожаления?

Рольван отер рукавом лицо, дождь тут же намочил его снова. Он не смог бы объяснить, почему сердце ноет от боли именно за него. За старого, но еще крепкого мужчину в праздничном епископском облачении. Того, чьи старания больше, чем старания самого короля, и привели к сегодняш-

ней казни. Кто выполнил свой долг и продолжал выполнять его – Кронан, старший епископ Лиандарса.

Между зрителями и помостами, королевским и тем, на который глазела толпа, двумя рядами выстроились молодые оруженосцы. Дождь стекал с их островерхих шлемов, пропитывал короткие плащи поверх начищенных кольчуг.

Мальчишки еще не научились придавать своим физиономиям равнодушно-свирепое выражение, за каким прятались битые жизнью солдаты вроде Рольвана. Было видно, что сегодняшнее испытание им не по силам. Полный, похожий на теленка юноша прямо напротив королевского помоста то краснел, то бледнел. Его сосед поминутно облизывал губы и, казалось, готовился рухнуть в обморок.

Запели рога, возвещая последние мгновения перед казнью. Королева, хрупкая и стройная, как девочка, поднялась на ступени. Преклонила колени перед плахой.

Гул голосов разом смолк. Остался лишь шум дождя. Он делался все громче, заполнял собою все. Рольван с трудом разобрал слова епископа. Не услышал он и слов короля, лишь увидел взмах руки и сдавленную гримасу.

И тут снова грянули рога. Палач шагнул ближе. Колпак цвета крови скрывал его лицо, оставляя лишь прорези для глаз, но казалось, даже ему нелегко дался шаг. Мелькнул занесенный меч. Звук рогов смолк, и в тишине отчетливо прозвучал удар – один-единственный. Толпа содрогнулась и ахнула.

– С первого раза, благодарение Миру, – громко сказал кто-то за спиной. – Вот помню, когда Финлуга из Дуга казнили, с третьего удара только голова отвалилась.

– Палач был не тот, – рассудительно ответил другой голос. – Этот дело знает.

– А я так мыслю, – не унимался первый, – что грехов у ей все ж таки...

Король поднялся с трона, и мнение праздного зеваки о грехах королевы осталось неизвестным.

Не глядя больше на палача и мертвое тело, владыка Лиандарса сошел с помоста. Махнул рукой, и ему подвели коня.

В полной тишине король Дэйг тяжело забрался в седло и поехал прочь. Оруженосцы сломали строй, с облегчением бросились к своим лошадям. Толпа расступалась перед белоснежным королевским жеребцом и смыкалась вновь за спинами стражи.

– Конец речам, – послышалось снова.

– Не выдержал, бедняга, – не отстал второй голос.

– Где ж ему выдержать! Грехов-то у ей...

Рольван подошел к эшафоту. Протянул руку, и епископ благодарно оперся на нее. Ссутулился. В этот миг он казался совсем старым.

– Уйдем отсюда, отец, – сказал Рольван.

Вокруг кричали глашатаи, призывая толпу разойтись. Тело накрыли белой тканью, тут же намокшей от дождя и покрасневшей от крови. Палач куда-то исчез.

– Идем, отец, – повторил Рольван. – Ты сделал все, что был должен, теперь отдохни.

– Не все, – откликнулся епископ и расправил плечи. – Не все. Но ты прав, Рольван, остальное придется сделать тебе.

Юные оруженосцы короля, будущие воины и командиры – все как на подбор отпрыски знатных родов. Подкидышу, монастырскому сироте, нечего и мечтать попасть в их ряды.

А если случится чудо и сирота станет королевским оруженосцем, повышения ему не видать. Сколько бы ни старался, как бы ни был храбр и ловок, изворотлив и живуч. Даже соверши он настоящий подвиг, дважды за одно сражение за-слонив короля от вражеского топора своим щитом и своим телом – ему пришлось бы повторять это год за годом, чтобы когда-нибудь, может быть, заслужить признание.

Все иначе, если сирота этот – любимый воспитанник священника, как раз в эти дни избранного старшим епископом Лиандарса.

Живучий молокосос становится юным героем. Почести и милости сыплются одна за другой, и вот уже, через каких-то десять лет, он командует отрядом из тридцати отборных воинов и смело подает голос в королевском совете.

Мальчишка-послушник умер бы от страха, узнай он, что ждет его в будущем.

И все же, являясь на совещание командиров дружины, где

был самым младшим – и по возрасту, и по происхождению, Рольван смущался и убеждал себя, что заработал это право сам. Ведь служил он всегда безупречно! Забота отца Кронана принесла ему справедливую награду, только и всего.

Встреча проходила в одной из малых башен королевского замка. Просторную комнату освещали лишь две толстых свечи да еще камин – он разгонял сырость весенней ночи и придавал красноватый тревожный оттенок лицам.

Большой стол, свечи, отражения огоньков на оловянных кубках, скамьи вокруг да незажженная лампада под резным изображением Мира – вот и вся обстановка.

Встретились ночью, не из секретности, просто раньше не было времени. Казнь, потом торжественная церемония в храме и обед, куда были приглашены многие офицеры, затянулись до позднего вечера, а дело было срочным.

Едва все разместились, поднялся Удерин – военачальник, близкий родич и правая рука короля Дэйга. Титул эрга одной из восточных областей Удерин носил с таким же небрежным изяществом, как свой подбитый горностаем алый плащ. Но жить предпочитал при дворе, не пропускал ни одной военной кампании, а дела области оставлял на управляющих. После самого короля и епископа Кронана его слово весило больше всех в любом совете.

Голос его с усталой хрипотцой был голосом командира, кому повинешься не раздумывая, потому что иначе не может быть.

– Доброго вечера всем нам. Король собирался сам провести эту встречу, но скорбь его оказалась слишком велика. С большим трудом мы убедили его отправиться спать... – Удерин выдержал печальную паузу и улыбнулся: – Напоили допьяна, попросту говоря. Тяжелый выдался день.

– Это точно, – раздался голос с другой стороны стола. Лицо говорившего терялось в полумраке. – Дурной день.

– Завтрашний принесет новые заботы, и пора вам о них узнать. Но помните, что подробности, которые я вам открою, не должны обсуждаться за пределами этих стен. Супруга нашего короля уличена в колдовстве и служении языческим богам – одного этого достаточно, чтобы смутить народ. Будь возможным, это стоило бы скрыть. Подлинное положение дел намного хуже.

Удерин сделал печальную паузу, и один из старых командиров не выдержал:

– Не тяни, эрг! Выкладывай.

– Выкладываю, – согласился тот. – Речь о заговоре, который удалось раскрыть только чудом. Королева была не просто отступницей. Она исполняла волю дрейвов. Дрейвы вернулись, друзья мои.

Дрейвы.

Это слово отдалось в ушах змеиным шипением. Стало тихо. Кто-то негромко выругался. В камине с треском переломилось полено. Удерин молчал, наблюдая, какое впечатление произвели его слова.

– Но... разве их не перебили всех давным-давно? – неуверенно спросил Эвин, молодой, немногим старше Рольвана, мускулистый и заросший бурыми волосами так, что с трудом можно было разглядеть лицо.

– Последнюю их школу разгромили тридцать лет назад. С тех пор мы считали, что их больше нет. До недавних пор.

– Вернулись, – тяжело произнес седовласый, перекошенный набок, но оттого не менее грозный Ардивад. – Дурное дело.

На его лбу пролегли глубокие морщины, из-под густых усов выглядывал недобрый оскал: Ардивад был участником тех давних боев, и ненависть его к дрейвам была личной.

Никто и не подумал возражать: дрейвы, служители древних темных богов, колдуны и убийцы были самым страшным злом Лиандарса. От одного этого слова морозная дрожь бежала по коже у самых отчаянных.

Но не такие люди собрались в тот час в королевском замке, чтобы поддаваться страху, и вот уже прозвучал вопрос:

– Но где же нам их искать?

– Благодарение богу и мудрости епископа Кронана, мы знаем ответ. Два человека из свиты королевы под пытками рассказали одно и то же. Взгляните.

Со стола убрали кубки, разложили большую карту. Офицеры столпились вокруг. Черный круг на ней отмечал лесную область всего, как подсчитал Рольван, в четырех дневных переходах от Эбрака. Конный отряд налегке доберется

еще быстрее. О том же подумали и другие воины.

– Наглецы, – Ардивад дышал луком и пивом прямо над ухом Рольвана. – Нет, вы гляньте! Крысиные отродья, видно, забыли, как мы выкуривали их из нор по всей стране!

– Ошибаешься, друг, – возразил Удерин. – Они отлично помнят, более того, готовы мстить. Ты, верно, узнал это место?

Старый воин тяжело выдохнул в усы:

– Узнал. Еще бы не узнать.

Посмотрев в его мрачное лицо, Рольван перевел взгляд на карту и тоже узнал.

Он еще не родился во время той давней битвы, когда воины короля разгромили главное святилище дрейвов и убили почти всех – начиная от главных жрецов и кончая юными учениками. Но тот, кого он привык звать отцом, рассказывал эту историю так часто, что иногда Рольвану казалось, будто он там был.

– А нам кто-нибудь объяснит, что это такое? – вмешался нетерпеливый Эвин.

– Капище, – проговорил Ардивад.

Удерин кивнул:

– Если точнее, здесь было главное святилище дрейвов. Раз в году они собирались там все. А в былое время, еще до квирян, туда сходилась весь Лиандарс, потому что дрейвское собрание было высшим судом. Говорят, они приносили жертвы своим богам, а боги приходили к ним беседовать, поэто-

му никто не смел их послушаться. Говорят еще, в этот день дрейвы решали, кому жить, а кому умереть...

Удерин выдержал значительную паузу и договорил:

– А если хотели, снимали с престола королей и сажали туда новых. С помощью колдовства.

На этот раз ему не пришлось изображать значительную паузу, та повисла сама, оттененная скрежетом зубов.

– Милосердный Мир! – выдохнул Эвин.

Рольван вместе с другими посмотрел на статую. Лампада под ней не горела, но огонь очага отбрасывал блики на темное дерево лица того, кто принес людям примирение и святость. Движение света и тени оживляло его босоногую, одетую в одну только длинную тунику, фигуру. В руках статуи – перекрещенные копье и меч, но не для войны: на них распустились цветы в знак примирения.

Казалось, бог внимательно слушает разговор. Встретившись с ним взглядом, Рольван опустил глаза.

– Теперь вы знаете почти все, – продолжил Удерин. – Остальное скажу вкратце. Через четыре дня, считая от сегодняшнего, дрейвы соберутся на этом месте, чтобы приносить жертвы и призывать древних богов. Им наверняка известно, что их планы нарушены, и о сегодняшней казни они тоже знают или скоро будут знать. Королева не поднесет своему супругу отравленной чаши в ночь языческого праздника, дрейвы не смогут вмешаться и принудить эргов избрать новым королем приверженца старой веры, как собирались.

Но нельзя недооценивать врагов. Собрание состоится, и воля короля, чтобы гостями на этом собрании были его воины. Помните, что дрейвы мастера раскидывать сети. Любой из ваших знакомых может быть их тайным помощником. Вы уедете скрытно, на рассвете уже покинете город. Никто не должен знать, куда вы направляетесь. Сам король со святой останется здесь и примет участие в празднике дня святой Дасты. Так мы надеемся сбить с толку лазутчиков. Опасайтесь появиться там слишком рано и спугнуть их. Ловушка должна захлопнуться, когда дрейвы соберутся все.

Их будет несколько десятков, как мы думаем, они не будут ждать нападения. Постарайтесь оставить в живых одного-двух, дабы можно было казнить их прилюдно в назидание народу. Уйти не должен ни один.

И вновь никто не подумал возражать: даже один живой дрейв может стать настоящим бедствием.

Почти четыре столетия назад Лиандарс стал частью великой Империи Квира и дрейвы оказалась вне закона. Их сажали в темницы и казнили, на них охотились, как на зверей. Дрейвы, в свою очередь, совращали целые деревни и кланы, поднимали восстания, заражая простой народ и даже эргов. Усмирить их могла только смерть. В последние годы о них не было слышно, и казалось, зло осталось в прошлом. И вот – они здесь.

– Но помните, мы хотим сохранить все в тайне, – добавил эрг. – Потому не отправим слишком многих. Двух отрядов

достаточно.

– Три, – сразу отозвался Ардивад, – и молись, чтобы этого хватило. В бою дрейв стоит пятерых.

– А скольких стоит любой из вас?

Несколько мгновений старый воин и эрг состязались в тяжести взглядов. Рольван подумал, что, окажись заговор успешным, новым королем стал бы Удерин, если только таинственная дрейвская сила и впрямь не заставила бы эргов выбрать кого-то другого.

Незаметно поморщившись, он пожелал королю Дэйгу долгих лет здоровья, а дрейвам – как можно быстрее отправиться в Подземный Мрак, где им и место.

И вздрогнул, услышав голос Удерина:

– Будь по-твоему, три отряда. Ты. Шаймас, – молчаливый воин, ровесник Ардивада, неторопливо склонил голову. – И Рольван.

– Что?! – он подумал, что ослышался.

– Почему? – с интересом осведомился Ардивад, кидая Рольвану насмешливый взгляд. Он уже догадался, каким будет ответ.

И он не ошибся.

– Такова просьба епископа, которую король удовлетворил с радостью, помня заслуги его святейшества в этом деле. Как и во многих других, должен напомнить.

Высокородный эрг ничем не показал своего отношения к такому выбору. Рольван тоже сдержался: не выругался,

не заскрежетал злобно зубами и даже не вздохнул. Поклонился с непроницаемым видом:

– Я готов послужить королю и его святейшеству.

«И со всем почтением послать его куда подальше!»

От этой мысли не полегчало нисколько. Он знал, что не огорчит отца Кронана даже словом. Как бы ни мучила его порою епископская забота, Рольван был предан этому старцу безусловно и навсегда.

Что не отменяло его нынешнего смущения. Под взглядами старых и заслуженных офицеров уши раскалились докрасна.

– Король Дэйг горюет и жаждет мести, – промолвил Удерин. – С большим трудом мы уговорили его не бросаться за дрейвами лично. Казните подлецов, совративших его супругу, и просите себе любой награды – вот его дословный приказ.

Рольван поднял голову заглянуть в деревянное лицо Мира. Статуя улыбалась, и он мог поклясться – улыбалась язвительно. Можно сбежать из монастыря. Но кто тут думал, будто можно убежать от служения своему богу?

«Разве ты сам не видишь, что я не гожусь?»

Ответа не было – как и всегда.

Из комнаты совещаний Рольван отправился искать свой отряд. Он не сомневался, где и в каком виде найдет доблестных воинов, цвет королевской дружины. И оказался прав.

Отстояв почетный караул во время траурной службы, отсидев торжественный ужин, они проводили короля, но расходиться не спешили. Из сотни свечей в зале осталась едва треть, и те догорали, но пиршество шло полным ходом. От официального ужина оно отличалось количеством выпивки и полным забвением манер.

Здесь размазывали по лицам пьяные слезы – королеву тайно вождедел каждый второй, если не первый – и заедали их большими кусками жареной баранины, каплунами и фазаньими ножками. Здесь проклинали темных богов, а с ними короля и епископа со всеми квирскими святыми – и запивали проклятия целыми бочонками вина и пива. Языки разгулялись вовсю. Счастье, что к утру никто не вспомнит ни того, что слышал, ни того, что говорил сам.

Все это Рольван увидел, будучи схвачен за рукав и буквально втянут в двери трапезной.

– Ты преступно трезв, мой командир, – заявил Торис, воин огромного роста и огромной силы, а также огромной утробы, одной рукой вручая Рольвану полный кубок, другой подхватывая и усаживая на скамью своего лучшего друга, вздумавшего потерять равновесие. – Не смей падать, Гвейр. Мы еще не выпили с командиром.

Еще не выпили – здесь Торис поскромничал. Если собрать все кубки, кувшины и бочки, что осушили за несколько лет они втроем, в таком количестве поила можно утопить целую роту пехотинцев.

Но сегодня вечером Рольвану, а значит, и Торису, было не до выпивки.

– Бросай это все. Нас ждет поход.

– Поход – это отлично, – квадратная физиономия Ториса осветилось улыбкой. – Перед походом сам бог велит напиться!

Шея гиганта была почти такой же толщины, как голова, а мышцы рук по-хорошему подошли бы ногам. Он не носил бороды, но отращивал усы, светлые и порыжевшие от пива и еды. Их кончики закручивались вверх, когда Торис бывал весел, и обвисали, если пустые карманы и нехватка выпивки загоняли его в тоску.

В отличие от него, Рольван не брился только во время походов, и волосы стриг коротко. Так удобнее, недаром квиры не взяли такой обычай еще со времен первых императоров.

– Не знаю такого бога, – усмехнулся он. – А знаю вот что: сейчас ты соберешь всех наших, окунешь каждого в бочку с водой, чтобы протрезвели, и за час до рассвета мы будем у западных ворот, и покинем город без лишнего шума. Припасов брать на неделю, языком не болтать. Все ясно?

Старинный, еще со времен службы оруженосцами, приятель Рольвана, Торис без ревности принимал его высокий чин. Приказ воспринял как должно: подтянулся и мгновенно протрезвел. На этого человека можно было рассчитывать буквально всегда.

– Сделаю, – был короткий ответ. Затем Торис встряхнул

Гвейра: – Просыпайся, пьяница. Я ухожу.

– Как снилось мне, боги, воители знатные, окончив труды, за стол свой садятся и пищу вкушают, – довольно мелодично пропел тот и снова заснул, свесив голову на грудь.

Друзья переглянулись. Гвейр, знаток всех на свете песен и побасенок, за древние сказания принимался только пьяным до невменяемости. Случалось такое редко и ничем хорошим не кончалось.

– Вот зараза, – вздохнул Торис.

– Пять сотен дверей в Лунасарде, и верно... Клянусь псом Каллаха, как я ненавижу монахов!

Рольван с тревогой огляделся, но слушать пьяные Гвейровы бредни было некому. К тому же не он один сегодня поминал языческих богов и проклинал служителей Мира.

– Ладно, доведу его до казарм, – решил Рольван.

Забросив руку приятеля себе на плечо, помог тому подняться. Благо, королевских лучников, которые, к слову, почти все были уроженцами Каэрдунa, в поход не звали, и макать беднягу головой в воду не было нужды.

– А ты собирай наших.

– Слушаюсь, командир, – трезвым голосом ответил Торис.

Доставив полусонного, бормотавшего слова древних сказаний Гвейра прямиком в кровать, Рольван вышел обратно под дождь.

Постоял, размышляя, как хорошо бы завалиться

на первую попавшуюся скамью и проспять хоть пару часов. Потом встряхнулся и пешком отправился к дому епископа, за несколько кварталов от замковых стен.

Ворота замка были закрыты, но привратник у калитки знал Рольвана в лицо. Обитатели казарм частенько возвращались из города ночью, и не всегда – на своих ногах. Замковый управляющий благоразумно закрывал на это глаза.

На пустых мокрых улицах под ногами хлюпала грязь, а редкие фонари под навесами крыш рождали мутные пятна света, перечерченные разрывами теней. Из трактиров долетали голоса и смех. Их бессонное веселье принадлежало будто другому миру, живому и теплomu, вокруг же было темно и тихо, как – Рольван поежился, но сегодня эта мысль казалась уместной, – в Подземном Мраке, что ждет после смерти грешников.

Потом трактиры остались позади, и узкая улица, усаженная готовым вот-вот расцвести боярышником, привела его к епископскому дому. Сложенный из светлого песчаника, с красной черепичной крышей и двумя башенками по сторонам двора в аккуратных цветочных клумбах, дом этот казался спящим. Только сквозь ставни по левую сторону высокого крыльца пробивалась полоска света.

Дождь наполнял желобки по краям крыши и срывался вниз небольшими водопадами. Перед крыльцом образовалась лужа. Рольван обошел ее и поднялся на ступени. Он знал – епископ не спит и ждет его, а значит, разговора

не избежать.

Двери отворились сразу, стоило ударить в них подвешенным специально для этого молоточком.

Гай, немой слуга, что состоял при отце Кронане, сколько Рольван себя помнил, поклонился и провел его в кабинет. Отдавая свой промокший плащ, Рольван дружески сжал плечо Гая. Тот закивал.

Давным-давно отец Кронан выкупил у случайных знакомых мальчишку-раба: ему за некую провинность отрезали язык и наверняка однажды заporоли бы до смерти. Вылечив и откормив беднягу, Кронан подарил ему, ошалевшему от такого поворота судьбы, свободу. И получил слугу преданнее, чем любой раб.

Благодарность – вот что двигало всеми, кто окружал отца Кронана. Рольван был лишь одним из многих.

В кабинете неярко горела свеча, да в очаге тлели угли. Отсветы их оживляли краски на мозаичном полу в середине комнаты, зато углы караулили пушистые клубки темноты.

Епископ сидел в кресле с высокой спинкой, закутанный в мягкое покрывало. Ноги его покоились на скамеечке, левая рука держала кубок, правая была протянута навстречу Рольвану. Трудно представить картину теплее – пусть не родной дом, но тот, что стал родным вопреки всякой надежде. Немногим в жизни так везло!

– А я уже почти решил тебя не ждать, – весело сказал епи-

скоп. – Брось кланяться, Рольван. Садись к огню, ты весь мокрый. Гай, согрей Рольвану вина, да не разбавляй. Дождь все не кончается?

– Льет по-прежнему, – ответил Рольван. – Самая подходящая погода для путешествия, куда ты решил меня отправить, отец.

– Ничего не поделаешь, к тому же ты еще молод. Дурная погода не должна быть тебе помехой.

– Она и не помеха.

– Хорошо.

Пододвинув свободное кресло к камину, Рольван сел и с удовольствием подставил лицо огню. Гай разворошил угли, добавил яблоневых поленьев, и пламя радостно заурчало. Дым был ароматным, как выпечка из сдобного теста.

Дурной и безнадежно длинный день закончился, плотные ставни отсекали заботы вместе с сыростью и темнотой, и Рольвану уже не хотелось ни о чем спорить. Но и сдаваться просто так он не привык.

Епископ вопросительно щурился поверх кубка. Ждал.

Рольван вздохнул.

– Помнишь, я просил тебя не ходатайствовать за меня больше?

Отец Кронан прикрыл глаза, и он поспешил добавить:

– Только не думай, что я неблагодарен! Я всегда буду...

– Тихо, – прервал епископ. – Я и не подвергаю сомнению твою благодарность. Рольван, почему ты думаешь, что обя-

зан своим положением кому-то, кроме самого себя? Я только просил короля принять тебя в оруженосцы, остального ты добился сам. Неужели так трудно в это поверить?

– Беда в том, что тебе и не нужно ничего говорить. Все равно все думают, что любезничать со мной это лучший способ угодить тебе!

– И кто, по-твоему, об этом думает? Кому в нынешнее время недостает других забот?

Вошел Гай, тихий и незаметный, как епископская тень. Протянул Рольвану кубок с вином.

Тот благодарно кивнул и вздохнул:

– Ладно. Наверно, ты прав, хотя мне все равно кажется наоборот. Но сегодня-то! Эрг Удерин при всех сказал, что меня выбрали по твоей просьбе. Из тех, кто старше, опытней, в конце концов, достойнее! Зачем, отец? Зачем вообще мне туда ехать?

– Я нарушил какие-то твои планы?

Епископ больше не улыбался. Еще немного, и показалось бы, что он разгневан.

– Нет, ничего такого. Все равно вскоре отправили бы на север, там опять что-то назревает. Разве что я обещал отцу Эйтин поехать с ним послезавтра – он будет объезжать того жеребца, и я думал, это подходящий момент с ним поговорить...

– Вот оно что. Брось, Рольван. Если ты не получишь руку этой девушки сейчас, мир не рухнет. Получишь ее позже или

найдешь другую, еще лучше. К чему такая спешка?

Рольван мысленно обругал себя – мог и не задевать большую тему. Но отступить было поздно.

– Мне не найти никого лучше, чем девушка из эргского рода, и в любом случае я хочу жениться на Эйтин. И я все равно никогда не стану священником, отец. Прости.

– Позволь напомнить, это я помог тебе уйти из монастыря и поступить на службу к королю!

– Знаю, прости. Прости, что огорчил тебя!

Он казался себе грешнее грешного, стыдно было даже взглянуть епископу в лицо. Рольван опустил взгляд на дно кубка и попросил:

– Скажи, чего ты хочешь, и я все выполню.

– Успокойся, – ласково сказал епископ. Глянув искоса, Рольван понял, что он улыбается: – Ты вовсе меня не огорчил. Я горжусь тобой, Рольван, горжусь, что могу звать тебя сыном. Именно поэтому я нарушил обещание и все-таки попросил короля о тебе.

Для меня важно, чтобы это сделал ты. Извести дрейвов, наконец-то избавить от них наш народ – это мое дело, не только потому, что я старший епископ. Это было моим делом задолго до того, как я стал священником. С тех пор как в сражении с ними я впервые принял командование вместе с мечом из рук моего умирающего отца.

Тогда как раз стало ясно, что легионы ушли навсегда и мы остались сами по себе. Дрейвы решили, что настало

их время. Они лезли буквально изо всех дыр. Это была жестокая война. Мы победили, отстояли Лиандарс. Твари спрятались в норы и не вылезали много лет.

И вот они снова здесь, а я уже стар. Разве так уж много для старика – желать, чтобы сын принял меч из его руки и продолжил бой?

Он замолчал и дрожащими руками поднес ко рту кубок. Рольван, пристыженный, с пылающими щеками, попросил:

– Прости меня.

– Не извиняйся. Нам нелегко достались те сведения, что мы имеем. Королю это стоило супруги. Но теперь, если Мир позволит, мы накроем их всех одним ударом. Если победишь, Рольван, ты сделаешь больше, чем смог бы за всю жизнь, если бы остался в монастыре! Будь моя воля, я поручил бы тебе одному командовать в этом походе. Я верю, что ты избран для этого, мой сын.

Статуя Мира не зря усмехалась сегодня вечером. Рольван склонил голову. Виноградные лозы на мозаичном полу вились, как змеи, из-за игры света они казались живыми.

– Обещаю, что не подведу тебя, отец.

Глава вторая, воинственная

Время же они измеряют не днями, а ночами; год делят на четыре части, в соответствии с движением солнца, и отмеряют каждую часть праздником, жгут костры и призывают своих богов, дабы те благословили скот их и детей. Во время весеннего праздника дрейвы собираются в священном месте, которое считают центром острова и всего мира.

Сходятся сюда и тяжущиеся со всей страны, и дрейвы судят и решают дела, и нет никого, кто не подчинился бы их приговору. Приходят и те, кто желал бы обучаться их наукам, и дрейвы отбирают из них достойных, которым передают свои знания.

Патреклий Сорианский «О народах»

Они нападали без всякого порядка, как принято у них, отважно, но безрассудно, раззадоривая себя и других криками и воплями. В пылу схватки сбрасывали с себя одежду, показывая свое презрение к смерти, и неслись вперед, рослые, с развевающимися волосами, нанося удары копьями большой толщины. Тут же были и дрейвы с факелами в руках, и женщины, сражавшиеся еще отчаяннее мужчин.

Все это сборище кричало, исторгало проклятия и угрозы и производило такой шум, что наши воины на время оказались в растерянности

и не могли дать отпор. После, собравшись с силами, мы отбросили лиандов обратно за их укрепления.

*Клет Нимартий, легат седьмого легиона,
Лиандарс*

*Вырывай корни зла, иначе оно прорастет
и заглушит добрые побеги. Так поступай везде,
где только сможешь, и наблюдай за собою, чтобы
и тебе не впасть в соблазн.*

Книга Мира

В сказаниях и песнях, известных, несмотря на запреты священников, всем в Лиандарсе, дрейвы звались повелителями лесов, обитателями дубовых чащ. Деревья были их друзьями и слугами, и, если верить совсем уж невероятным историям, при случае даже ходили вместе с ними на войну.

Пробираясь заросшими тропами к лесному святилищу, бывшему когда-то давно главным местом дрейвских собраний, Рольван сполна оценил эти легенды. Лес превратился в настоящие дебри, темные даже в полдень, непролазные везде, кроме неведомо кем проложенных тропинок, путанных и переменчивых.

Следопыты определяли направление по каким-то им одним понятным приметам. Приходилось верить им на слово — сам Рольван давно бы заблудился. Правда, эти двое ни разу не подводили, и отряд привык им доверять.

Дождь, ливший без остановки целую неделю, утомился

и стих. Неаккуратные серые клочки еще пробежали по небу, но солнце уже набирало силу, и воздух был теплым, летним – каким и должен быть на пороге праздника святой Дасты. Нагретая земля исходила влагой, пахло травой и цветами.

Ехали шагом, растянувшись двумя длинными цепочками. То и дело приходилось спешиваться, чтобы пробраться под сплетением ветвей, обогнуть топкое место в клочках желтых прошлогодних камышей или перевести лошадей через скопление полусгнивших поваленных стволов.

Временами казалось, что движутся они без всякой дороги, потом исчезнувшая под завалами или на берегу очередного ручья тропа появлялась снова, а раз или два даже Рольвану удалось разглядеть на ней человеческие следы. Следопыт подтвердил: здесь недавно шли пешие и направлялись они напрямиком к старинному святилищу.

К вечеру влажный полумрак сменился непроглядной тьмой. Выбрав место посуше, стали лагерем. Костров не разводили, лишь растянули между деревьями пологи на случай дождя и выставили часовых. В седельных мешках нашлось достаточно еды и людям, и коням.

Вскоре голоса зазвучали громче. В последней таверне на краю обжитых мест отряд наполнил фляги, и вовсе не водой, так что теперь к разговорам то дело добавлялся смех и обрывки непристойных песен.

Рольван вздохнул, думая о тишине и скрытности, но запрещать веселье не стал. Ему, как и другим, было не по се-

бе от самого слова «дрейвы»: не страх, но тревога и память, почти такая же древняя, как сам Лиандарс. Память скорее крови, чем рассказов или книг, хотя выросший в монастыре Рольван в этом понимал побольше своих товарищей.

Но не нужно знать грамоты и уметь говорить по-квирски, чтобы чувствовать опасность в самой мысли о дрейвах, их могуществе и таинственных ритуалах. Напуганный воин – и не воин вовсе, а крепкое деревенское пиво – лучшее средство против страхов.

Бдительности же не теряли, часовые зорко вглядывались в темноту, у каждого был под рукою меч и копье не дальше, чем в двух шагах. Даже Торис, как обычно пивший за четверых, оглядывался и готов был схватиться за оружие.

А там – если кто сочтет его пьяным и оттого неопасным, горько пожалеет. Торис во хмелю был так же хорош в драке, что и Торис трезвый. А вот рассуждать и оглядываться, прежде чем в драку полезть, он умел лишь на трезвую голову, да и то с трудом. Лучшего спутника в опасном походе нельзя и пожелать.

Утром выступили с первым светом, в тумане, таком густом, что ничего не было видно уже за три шага. Прознай о них дрейвы и реши устроить засаду, было бы самое время. Но лес стоял неподвижен, только ветер шевелил ветви и медленно разгонял туман. Тот расплзался неровными клочьями, похожими на обрывки старых простыней, и скоро совсем

исчез.

День выдался ясным, летним. Под кронами вековых дубов и буков царил сырой полумрак, но редкие поляны и прогалины заливал золотой свет. Лес расцветал, набухал сочной зеленью – чуть помедли, и увидишь ее движение. Близился праздник наступления лета – день святой Дасты. Валль, как звался он в прежние времена.

Именно в ночь на Валль дрейвы принесут жертвы и заведут свое темное колдовство. Один Мир знает, сколько в тех сказках правды, но допустить этого нельзя.

Успеть, помешать, предотвратить – это чувство делалось все острее, гнало отряд вперед. Даже лошадям передалось нетерпение хозяев. Гнедой Рольвана, прозванный Монахом отчасти за смиренность, отчасти в насмешку над хозяином, вздрагивал и прядал ушами, как будто чуял опасность.

Разговоры стихли. Ехали в угрюмом молчании.

Еще одну ночь провели в шепчущей лесной темноте. Теперь никому не хотелось петь и смеяться. Ночные птицы кричали почти человеческими голосами, и кто-то невидимый крался, хрустел ветвями совсем рядом. И всю ночь часовые глядели в темноту и хватались за мечи от каждого шороха.

Но уже ранним утром впереди показалось лесное святилище дрейвов.

Оно разместилось на вершине крутого холма. Деревья

здесь не росли, лишь наверху, вокруг святилища, неровной короной высилось кольцо древних дубов. Одетые дымкой весенней зелени, они стояли, будто крепостная стена вокруг жилища эрга. Огромные шары омелы, священного растения дрейвов, глядели из ветвей, как головы великанов.

Рольван осенил себя священным знаком – пальцы к сердцу и ко лбу – слишком резво для простой дани обычая. То же делали и другие. Все знали: в день последней битвы с дрейвами, едва схоронив павших, солдаты по приказу короля сожгли священную рощу.

Прошло тридцать лет – немало для человека, но не для дуба. Могучие исполины никак не могли вырасти на пепелище за этот срок. Но выросли, и если кто-то еще сомневался в колдовской силе дрейвов, теперь сомнения исчезли.

– Сдохнуть мне на этом месте, – выругался за спиною Торис.

– Пребудь с нами, милосердный Мир, – взмолился набожный Крахнен.

Их голоса слились, и общее замешательство рассеял тихий смех. Рольван тоже улыбнулся. Обернувшись, увидел, как один из следопытов машет рукой. Поехал на зов и через несколько шагов столкнулся с Ардивадом. Оказалось – их с Шаймасом отряды прибыли еще на рассвете. Старый воин приветственно кивнул.

– Теперь все в сборе, – сказал он. – Наверху тихо с тех пор, как мы здесь. Затаились, что ли? В общем, так, ждать

нечего. Шаймасовы уже на той стороне. Берем его в кольцо и поднимаемся по сигналу.

Рольван кивнул и вернулся к своим.

Они едва успели проверить мечи и взять на изготовку щиты и копья, как прозвучала команда и все три отряда устремились наверх, стягивая кольцо вокруг вершины холма.

Кроме них, ничто не нарушало тишины. Рольван всматривался в древесный заслон, ища движение, какой-то признак, что их ждут, но ни одной ветки не шелохнулось навстречу. Разве что...

– Смотри, – прошептал он Торису.

– Вот дерьмо собачье! – так же тихо ответил тот. – Не нравится мне это, командир.

Рольван кивнул. Ему тоже не понравилось, хотя какой вред от птиц? Всего лишь вóроны, неподвижные, почти незаметные среди дубовых ветвей. Несколько десятков – безмолвных, черных как ночь. Казалось, они следят за всадниками.

Другие тоже заметили и помрачнели, но до вершины оставалось немного и времени думать о крылатых наблюдателях не было. Разве что они кинутся, как в песнях, выклевывать врагам глаза – от этой мысли Рольван поежился и заставил себя смотреть вперед.

Сразу за деревьями поднимался земляной вал в человеческий рост. Проход в него закрывал деревянный щит. Дружинники остановились перед этой ненадежной преградой.

Тишина была тревожней тысячи боевых воплей.

– Подошли они там, что ли? – пробормотал Торис.

– Или сбежали, – отозвался Рольван. Криво усмехнувшись, прибавил: – Или же их здесь вовсе никогда и не было!

Торис хохотнул, но тут дубовый щит рухнул от удара копья, и обоим стало не до шуток. Воины хлынули в проход.

И остановились в растерянности. Их никто не встречал. Все внутри вала было вытоптано множеством ног. По краю теснились хижины из плетеных ветвей – не больше десятка. В середине – сложенный, но незажженный костер, выше любой из хижин, и широкий плоский камень с углублением. Жертвенник. Рисунок на камне показался Рольвану знакомым, но откуда, он вспомнить не смог.

– По крайней мере, они здесь были, – сказал он Торису.

Тот ответил, но слова заглушил рев Ардивада. Старый воин соскочил на землю перед жертвенником и яростно потрясал в воздухе копьем:

– Найдите мне их следы!

Его крик будто разбудил всех. Воины зашевелились, спешиваясь, отправились обыскивать хижины. Четверо древками копий разворошили и раскидали костер. Следопыты занялись своим делом, которое оказалось бы проще, не вытопчи все вокруг их собственные кони.

Рольван спешил и тоже с любопытством заглянул в одну из хижин. Смотреть оказалось не на что: охапки тростника на полу да нехитрый каменный очаг.

– А сколько болтали про дрейвские богатства, – заметил воин, вошедший следом.

– До богатства ли, когда прячешься столько лет? – отозвался Рольван, и сам разочарованный. – Если что у них и есть, оно хорошо спрятано.

– Поймаем и допросим, а? Может, что и нам перепадет.

– Хорошо бы, – вздохнул Рольван, выходя.

Участникам похода положена доля от добычи, но в этот раз добычей и не пахло. Удачей и обещанной королевской наградой – тоже.

Да еще вороны – они все так же сидели в ветвях, мрачные и неподвижные. У самого вала, задрвав голову, стоял Торис. Метательный дротик в его мощной руке казался тоньше тростинки. Судя по всему, гигант примеривался броском сбить одну из птиц.

Рольван поспешил к нему.

– Оставь, Торис.

Тот передернул плечами:

– Не могу. В самое нутро глядят, дермецы!

– Понимаю, но лучше не надо. Кто знает, что они тогда сделают?

Торис вздохнул, но дротик опустил.

– Все как-то странно, и даже подражаться не с кем, – пожаловался он.

– Подожди, еще подеремся, – утешил Рольван. – Пошли, вон, следопыты вернулись.

Он бегом направился к жертвеннику, где два других командира уже слушали следопытов. Когда Рольван подошел, Ардивад как раз рычал:

– Хватит! Скажите мне, куда ведут следы, и довольно!

– Но мы же говорим, – был ответ, – сразу во все стороны!

– Разбежались? – спросил Рольван.

– Хитрость, наверное, – хмуро ответил Шеймас. Мысль о дрейвах, от испуга удирающих в разные стороны, похоже, не помещалась в его голове. – Разделились, чтобы заставить нас тоже разделиться. Неглупо, ха!

– И как же мы поступим?

– А что нам остается? – спросил Ардивад, тяжело опершись на копьё. От волнения его перекосило больше обычного. Седые усы стояли торчком. – Упустить их еще на тридцать лет? Нет уж, я разделаюсь с этими крысами, пока жив!

Он говорил в точности, как отец Кронан, и Рольван почтительно склонил голову. Дрейвы были и впрямь великим злом, если эти два таких непохожих, но одинаково достойных мужа считали их уничтожение главным делом своей жизни.

После недолгого спора конников разделили на четыре малых отряда и бросили жребий, выбирая, кому куда направиться.

Дурные предчувствия овладели Рольваном и не отпускали с тех самых пор, как жребий был брошен и воины уже рассаживались по коням. Карканье грянуло тогда сразу со всех

сторон – все на миг пригнулись к лошадиным шеям. Крича и громко хлопая крыльями, вороны поднялись с ветвей и разлетелись в разные стороны. Тревожные черные лоскутки быстро превратились в точки, затерялись меж редких облаков, но даже исчезая, сохраняли почти боевой порядок.

Никто не сомневался: посланцы выведали все, что нужно, и теперь несут вести хозяевам.

Так и вышло, что в погоню за дрейвами Рольван пустился полный мрачных ожиданий, во главе отряда, урезанного почти на треть.

Единственный оставшийся следопыт, Эранд, молодой, но невероятно ловкий воин родом из Ламории, даже не пытался скрыть растерянность. Отряд подолгу стоял и ждал, пока Эранд пешим обследовал местность и затем, смущенно кривясь, указывал направление. Дрейвы уходили, рассыпавшись по лесу и вдобавок почти не оставляли следов, но через несколько миль сошлись вместе и дальше отправились большой группой. Преследовать стало легче, но ощущение ловушки впереди усилилось. И все же, когда из-за деревьев тучей полетели дротики, Рольван на миг растерялся.

Его спас Монах: заржал и дернулся в сторону. Смертоносное жало пронеслось мимо. Еще один дротик вошел в горло ехавшего рядом воина, под шлем. Воин захрипел и свалился набок.

Рольван выкрикнул команду, но за шумом едва услышал

сам себя. Дрейвы с воплями хлынули из-за деревьев, как вырвавшиеся из Мрака демоны. Не меньше трех десятков, и дрались они отчаянно, с той самой священной яростью из сказаний – перед ней случалось отступать и квирским легионам.

Но люди Рольвана не только были лучше вооружены и защищены доспехами, не только сражались верхом против пеших. Они сами принадлежали к тому же народу, и священное боевое безумие было знакомо им не хуже, чем служителям старой веры.

Конь Рольвана рванулся, почувствовав шпоры, и наконечник копья вонзился в темя бегущего дрейва. Рольван наклонился, пытаясь освободить копьё, и тут на него бросились с двух сторон. Волосатый, словно дикий зверь, гигант налетел, замахиваясь топором. Рольван принял удар на щит, и топор намертво застрял в нем. Рольван не успел ударить в ответ – другой дрейв, поднырнув под копьё, нанес колющий удар под ключицу. Кольчуга отчасти защитила, но левая рука со щитом – на нем все еще висел, держась за свой топор, волосатый дрейв, – сразу повисла, и бок намок от крови. Щит вместе с топором оказался в руках у дрейва.

Монах взвился на дыбы прежде, чем Рольван успел хоть что-то сделать. Ржание походило на лошадиный боевой клич, когда окованные железом копыта разmozжили голову волосатого. Второй дрейв, упав на четвереньки, уже вскочил и изготовился для нового прыжка. Выхваченный взамен ко-

пья меч Рольван обрушил ему на голову.

Потом развернул коня и направился туда, где пеший Торис с огромным сверкающе-алым мечом кромсал на части обступивших его противников. Помощь не понадобилась: когда Рольван подъехал, веселый гигант как раз добавил к пятерке трупов у своих ног последний, шестой.

– Ух, хорошо! – воскликнул он, вытирая лицо мокрой от крови перчаткой и улыбаясь до ушей. – Собачьи дети, они убили моего коня!

Ответить Рольван не успел: подняв обеими руками меч и оглушительно крича, Торис уже мчался в гущу новой схватки. Рольвану ничего не осталось, кроме как последовать за ним.

Скоро все закончилось. На вытоптанной, залитой кровью траве в беспорядке валялись тела. Отряд Рольвана уменьшился почти наполовину. Из дрейвов остались в живых двое. Их связали, примотав ремнями к двум стройным соснам, и оставили под присмотром молодого Альдранда.

Для юноши это было первое сражение. Отец Альдранда, ветеран многих войн, привез сына в столицу, как только позволил возраст. Но когда вновь начались нападения на северо-восточном побережье и король отправил туда Морака с частью дружины, отцовское сердце не выдержало. Вместо сражений с грозными канарцами, юноша остался нести службу в мирном Эбраке и попал под присмотр Рольвана.

Завершись сегодняшнее приключение по-другому, Рольван предпочел бы сам погибнуть вместе с Альдрандом, лишь бы не смотреть в глаза его отцу.

Впрочем, юноша сражался храбро и умудрился не получить ни царапины. Теперь он ничего не соображал от восторга пополам с ужасом, и помощи в заботе о раненых от него ждать не приходилось.

А заботиться было о ком. Кроме Альдранда, невредим остался лишь Крахнен – немолодой, прославленный свирепостью воин, чье имя и нелюдимый нрав любого могли заставить подозревать дрейва в нем самом. Но только на первый взгляд. Крахнен был так набожен, что Рольван, неудавшийся монах, нередко прятал от него глаза. Вот как сейчас: едва закончилась схватка, Крахнен упал на колени и принялся возносить благодарственные молитвы.

Но пока он молился, Рольван бормотал проклятия, коленями и здоровой правой рукой помогая держать Эранда, раненного в живот. Тот глухо стонал и дергался, пока Игарцис из Ллистра, сын эрга по рождению и лекарь божьим даром, вытаскивал из его развороченных топором внутренностей куски кольчуги. Сам Игарцис почти не пострадал: ему дротиком оцарапало щеку, но царапина уже запеклась и не кровоточила. Окажись дротик отравлен, он был бы мертв.

– Есть надежда? – спросил Рольван, когда Игарцис принялся зашивать рану.

– Бог знает, – был короткий ответ.

Позже, наложив бинты и вытерев от крови руки, лекарь улыбнулся.

– Может, и выживет, – сказал он. – За бога ведь сражался! Позволь осмотреть теперь твою рану, командир.

– Нет. Здесь хватит серьезных ран для тебя, а с моей и Твилл справится, – и Рольван улыбнулся вполне искренне: – Я ее не чувствую, клянусь.

– Повезло тебе, что не правая рука.

– Повезло, – согласился Рольван.

Поднялся и очутился лицом к лицу с собственным слугой. Тот стоял наготове с флягой воды, бинтами и корпией в руках и с самым терпеливо-недовольным лицом, какое мог изобразить. За спиной его Рольван увидел Ториса, мрачного и с головы до ног залитого кровью. Пошел навстречу. Слуга обреченно вздохнул и побрел следом.

– Вот ты где, командир! – воскликнул Торис. – Ты слышал – эти ублюдки убили моего коня и моего слугу. Только представь – прослужил мне восемь лет и только что умер на моих руках! Да сожрут демоны их жалкие души! И вот я ранен, а мой слуга мертв, и что мне делать?!

– Воспользуйся моим слугой, – предложил Рольван, терпеливо выслушав всю тираду.

– Ни за что, ты ведь и сам ранен!

– Тогда подожди, пока Твилл позаботится о моей ране, и тогда он займется твоими.

Такой порядок показался Торису справедливым, и Твилл

наконец снял с Рольвана разорванную кольчугу. Рана оказалась неглубокой, хоть и кровоточила сильно, и сухожилие не было перерезано – так уверил Рольвана слуга, а он в этих делах пока не ошибался. Хотелось верить, что не ошибся и теперь.

Вскоре Рольван с туго перебинтованным плечом вернулся к пленным. Он потерял восемь человек, девять, если считать Эранда – едва ли он мог выжить, но Рольван пока не хотел причислять его к мертвым. Восемь убитых, и это не считая слуг, что сражались и гибли наравне с господами. Пленникам не стоило ждать милосердия.

Те, впрочем, и не ждали. Даже плохо знакомый с их обычаями Рольван знал, что последователи старой веры не боятся смерти. По ту сторону земных врат их ждет – как они верят – то же, что при жизни: враги, чтобы сражаться, дикие звери, чтобы охотиться, а вдобавок множество яств и напитков, чтобы вечно пировать и праздновать. Потому в бой они кидались с радостью и умирали без печали – так говорилось в песнях.

И все же они чувствовали боль, и под пытками могли выдать немало – к примеру, где спрятаны знаменитые дрейвские сокровища. Или имена предателей при королевском дворе. Достаточная причина пока сохранить им жизнь, к тому же Рольван помнил приказ: одного или двух доставить в Эбрак для публичной казни.

Вот только восемь из тех, кто годами был его братом

по оружию и по чаше на пиру, лежали мертвыми, изрубленными в куски. И кроме усталой ненависти Рольван не чувствовал ничего, даже боли от раны. Да еще предчувствия, что мучили всю дорогу – они никуда не делись. Не лучше ли послушать сердца и сразу казнить этих двоих?

– Они что-нибудь говорили? – спросил он, оттягивая решение.

– Молчат, как покойники, командир, – Альдранд пришел в себя и отвечал с достоинством, как один бывалый воин – другому. – Глядит только по-нехорошему, вот этот, волосатый. А второй и не глядит.

Кивнув, Рольван подошел ближе.

Волосатый, что глядел по-нехорошему, был молод, не старше, наверное, Альдранда. Настоящий заморыш – не увидь Рольван сам его звериную ловкость в бою, никогда бы не поверил, что тот вообще может сражаться. Длинные, будто ржавые волосы торчали во все стороны, как будто мальчишке нахлобучили на голову разоренное птичье гнездо. За ними не было видно лица, лишь дикие, горящие ненавистью глаза. Протяни руку – и звереныш вцепится в нее зубами.

Второй пленник был спокоен. Седовласый, кожа цвета старого ремня в рытвинах морщин, но назвать его беспомощным стариком ни у кого не повернулся бы язык. Даже безоружный и связанный, он казался опасным. И опасность та была не в силе мускулов и умении владеть огромным ме-

чом – этот меч с золоченой, украшенной резной волчьей головой рукоятью сейчас лежал у ног Альдранда, немало довольного такой добычей. Опасностью веяло от самой фигуры старого дрейва, от его прикрытых глаз, от его молчания. От спокойного равнодушия к своей судьбе.

Чем дольше Рольван смотрел, тем сильнее хотел немедленно покончить с пленниками. И сам себе удивлялся – уж кровожаден без нужды он не был никогда. И чем эти двое, в самом деле, могли быть опасны?

Тяжело ступая, подошел увитый бинтами Торис. Помолчал, затем предложил:

– Прикажи развязать их и вернуть мечи. Пусть сойдутся со мной в честном бою, не дело это – так их убивать.

– Это же дрейвы. Разве не ты проклинал их нынче ночью?

– Это не то. Они воины! И умереть должны как воины!

– То есть любой, кто смог наделать в тебе дырок, заслуживает твоего уважения, Торис? Даже если это дрейв? – Рольван сухо рассмеялся. – Нам придется взять их с собой. Они могут знать что-нибудь полезное. Так что, прости, на сегодня драки закончены. Надеюсь, ты не в обиде?

– Ну, хорошая драка всегда на пользу, – рассудительно заметил Торис. – Но на сегодня, так и быть, мне хватит. Только знаешь, командир, они хоть и воины, а все же дрейвы. Если решат по дороге нам головы заморочить или еще какие демонские выходки...

– Как только такое заметим – уьем, – согласился Роль-

ван. – Но пока я никакого волшебства от них не видел и не поверю, пока не увижу.

– Вороны-соглядатаи тебе не в счет? – Торис ухмыльнулся и зевнул. – Прах с ними. Дело к вечеру, а нам еще мертвых хоронить.

– Значит, не будем терять времени, – сказал Рольван, отворачиваясь от дрейвов. – Похороним павших и в путь. Заночевать я хочу подальше от этого места.

За все время пленники не издали ни звука – ни мольбы, ни проклятия. Но слышали, без сомнения, каждое слово.

Глава третья, необратимая

Во главе всех дрейвов стоит один, самый искусный в науках и колдовстве; ему повинуются беспрекословно. По смерти ему наследует самый достойный. Если таковых несколько, спор решают голосованием, если же не согласятся, то и оружием. Избранный должен доказать перед всеми свою силу и благоволение богов, и тогда только получит он почтение, положенное Верховному дрейву.

Патреклий Сорианский «О народах»

Оборотни? Пой, да не завирайся! Сам подумай, ну как может человек стать зверем? Представил? То-то же! Что? Дрейвы? Вспомнил тоже! Это же когда было, да и враки все!

Из трактирного разговора

И тогда он поклялся небом и землей, поклялся собственным сердцем, что не заснет в постели и не выпустит из рук меча, пока не добудет голову убийцы.

Книга легенд и сказаний Лиандарса. Автор неизвестен

В путь выступили уже на закате, болезненно-мутном из-за туч. Ехали медленно: на носилках из тонких осиновых стволов стонал и метался Эранд. Игардис с отчаянным видом кусал губы – он ничем не мог помочь.

Пленники оставались безмолвны, только младший кидал по сторонам яростные взгляды. Обоим связали руки и усадили на коней, которых теперь хватало с избытком. Того, что вез старика, вел за повод Торис, а младшего – бормочущий молитвы Крахнен.

Дождь то переставал, то принимался моросить снова. На сердце лежала тяжесть. Все молчали, и в тишине особенно четко выделялись звуки: хруст и хлюпанье под копытами, стоны Эранда, шепот Крахнена. Рольван поймал себя на том, что мысленно повторяет за ним слова молитв.

Он думал о тех, кто остался под свежим курганом на лесной поляне. Они выступили в поход с шутками и смехом: преступники-дрейвы, изгои, отверженные богом и людьми, казались законной дичью. Но загнанный зверь порой кидается на охотников. Удивляться тут нечему, и все же Рольван горбился под весом несправедливости и непонятной вины.

Когда совсем стемнело, остановились на ночлег. Ужинали тем, что нашлось в мешках, но огонь развели – отогнать ночные страхи. После ужина по общему согласию вознесли молитву в поминовение павших и ради выздоровления раненных.

Эранд не приходил в себя, и непонятно было, становится ли ему хуже. У Рольвана в плече будто ворочали раскаленный вертел.

Почти против воли он велел дать пленным хлеба и воды, и не огорчился, когда те с презрением отказались. То-

рис, неугомонный, как всегда, пытался с ними заговорить, но ответом было глухое молчание. Тогда пленников вновь привязали к деревьям и оставили в покое. Только молодой Альдранд тарасился на них, да мрачнел с каждой минутой Крахнен.

Выставили стражу. Близилась полночь, но спать не хотелось. Дождь перестал. Сплошная беззвездная чернота сомкнулась над маленьким лагерем. В костер постоянно добавляли дров, благо валежника было в избытке, слуги натаскали его и сложили в огромную кучу. Но свет пламени лишь немного разбавлял ночную тьму, отойди на несколько шагов – и она поглотит тебя полностью.

Один за другим воины заворачивались в плащи и укладывались у огня. Голоса звучали редко и неохотно. Рольван достал из ножен меч и неспешно водил по лезвию точильным камнем. Он тщетно пытался прогнать тревогу или хотя бы убедить себя, что причина ее – в усталости и потерях, а не тишине и сверлящем спину дрейвском взгляде.

Он вздрогнул от возгласа Ториса:

– Чтоб вам сдохнуть! Вспомнил!

– Вспомнил о своем брюхе или о чем пониже? – неласково поинтересовался с другой стороны костра задремавший было воин.

– А! Так и знал, что вы даже не подумали, какая сегодня ночь!

Рольван нахмурился – он помнил об этом всю дорогу,

а сейчас забыл. И тут же раздался хриплый голос Крахнена:
– Завтра Валль.

Почему-то никто не удивился, что этот набожный воин вспомнил прежнее, языческое название дня святой Дасты. Древние сказания сегодня были осязаемы – темной ночью на Валль, в лесу, когда мечи еще помнили вкус крови убитых дрейвов, а хозяева этих мечей ежились под взглядами выживших. У Рольвана по спине побежали мурашки. И не у него одного: рядом приподнялся на локте Игарцис.

– Может, все-таки убить их, а? – предложил он.

Рольван спрятал нерешительность за смешком:

– Хочешь в ночь на Дасту заняться убийством дрейвов?

– Это будет как жертвоприношение, – прошептал из-за плеча Крахнена юный Альдранд.

Рольван не понял, чего в его голосе больше – отвращения или восторга. Ответил резко:

– Мы не станем их убивать. Не сегодня.

Он знал, что пленники слушают разговор, но не хотел обобщиваться, чтобы убедиться. Остальные, напротив, посмотрели. Торис переменился в лице.

– Что они делают?!

Тут уж Рольван обернулся. Вскочил.

Пленники, привязанные к двум дубовым стволам, смотрели друг на друга. Старший умудрился развернуться в своих путах. Ремни глубоко врезались в его тело, но дрейв, похоже, не чувствовал боли. Его взгляд был прикован к лицу млад-

шего, как будто сообщал ему нечто, неслышимое, но понятное этим двоим. Вид его был страшен.

Младший дрейв сосредоточенно смотрел в глаза старику, словно и впрямь принимал некое послание. Слезы лились по его исцарапанным щекам и падали на длинную, когда-то белую, а теперь покрытую грязью и кровью тунику. Губы скривила судорога.

Все это Рольван разглядел за несколько мгновений, бросаясь к пленникам, еще не сообразив, что происходит и что ему делать. Через миг глаза старика закрылись, а за спиной дико закричал, кидаясь вперед, Крахнен:

– Бей, Рольван, бей!

Они опоздали – не потому, что Рольван замедлил последовать совету. Уже в миг, когда Крахнен открывал рот, было поздно. Старик обмяк в своих путах, и одновременно лопнули ремни на втором пленнике.

Серая тень метнулась к Крахнену, бегущему навстречу с занесенным мечом. Ярko блеснули в свете костра клыки, и воин упал с перекушенным горлом. Мгновение Рольван видел ее – огромную всклокоченную волчицу, оскаленную пасть, оранжевый пламень глаз. Потом она рванулась прочь, быстрее мысли, и мечи воинов пронзили пустоту.

Никто не произнес ни звука, пока Игарцис опускался на колени, прижимал пальцы к впадине у горла Крахнена, пока закрывал ему глаза. Подняв голову, сказал то, что все и так поняли:

– Мертв.

Дружинники зашевелились, будто это слово расколдовало их. Одни озирались, ища врага, другие прикладывали пальцы к сердцу и ко лбу, призывая божью помощь. Торис бросился к старому дрейву, подняв меч, но так и не ударил. Все услышали его недоуменный голос:

– Этот тоже мертв!

И тогда зарыдал Альдранд, громко, как насмерть перепуганный мальчишка-простолюдин. Упав на колени и размазывая кулаками слезы, он принялся молиться во весь голос с истовостью, какую оценил бы покойный Крахнен. Воины и слуги, все, кроме часовых, один за другим присоединились к нему.

Ловить в ночном лесу волчицу – даже прикажи Рольван такое, его никто бы не послушался. Все равно что пытаться вернуть в тело ушедшую жизнь. Вздохнув, он опустил на колени и склонил голову.

У разрушенного святилища задержались ненадолго. Предали огню хижины. Перетаскав заготовленные дрейвами для ритуального костра дрова ближе к дубам, подожгли и их.

Воины, с молчаливого разрешения командиров, осквернили жертвенный камень, испражнившись на него. Рольван едва удержался, чтобы, забыв свой высокий чин, не поучаствовать в общей забаве.

Исход похода получался мрачным. Из дрейвов в живых

осталась волчица да еще один, немолодой, изрядно потрепанный, с обрубленной по локоть правой рукой – его вез в столицу Шаймасов отряд. Дружинников уцелело чуть больше половины. Выжившие, в бинтах и пятнах засохшей крови, выглядели немногим лучше покойников.

Обратно отправились все вместе, кратчайшим путем, наполняя лес хрустом и звоном, кашлем, хрипом и негромкими голосами. На носилках стонали и бормотали в забытьи раненые, и среди них Эранд, горящий в лихорадке, но живой.

День святой Дасты, праздник начала лета, спешил оправдать свое название, призвав на помощь все силы земли и неба. Легкий ветерок относил в сторону запахи пота и ран. Лес наполнился птичьим гамом и щебетом, медовыми ароматами трав, от которых кружилась голова. Сказать по правде, она могла кружиться от потери крови или от недосыпания. Или, еще хуже, от пережитого страха, но кто в здравом уме захочет в таком признаться? Тем более что пахло и правда сильно.

На прогалинах и по берегам ручьев под щедрыми солнечными лучами поднимались клевер и колокольчики, длинные стебли белоцветки и нежные, как маленькие звезды, ромашки. Воздух был теплым с утра, а к середине дня прогрелся так, что дружинники под кольчугами и кожаными панцирями обливались потом.

– И как мы не разглядели, что это девка?

Обернувшись на голос, Рольван увидел, как Торис, сняв и повесив у седла шлем, всеми пальцами чешет мокрый затылок. Волосы его висели грустными сосульками, усы поникли. Обычно выбритый подбородок покрывала светлая щетина. Улыбка же сияла насмешливой белизной, как будто для печали не было вовсе никаких причин.

Оставив в покое свою голову, Торис недоуменно наморщил лоб и повторил:

– Как не разглядели?

– До того ли нам было, – пожал плечами Рольван. – Да если бы и разглядели, что бы ты стал делать? Дрейвка – это уж слишком, даже для тебя!

Светловолосый гигант лишь усмехнулся, поправляя на груди побуревшую повязку.

Первобытный ужас ночи на солнце почти растаял. Теперь Рольван не был уверен, что действительно случилось, а что всего лишь померещилось. И хоть он не сомневался, что своими глазами видел волчицу, перед этим бывшую дрейвкой, все же предпочел бы не рассказывать об этом епископу или королевскому совету и уж тем более не подкреплять рассказ клятвой.

Единственным, что осталось реальным при свете дня, были два тела – Крахнена с перегрызенным горлом и старого дрейва, на чьем теле не было ни единой раны. Их похоронили рядом, как добрых друзей, но если кому и могла померещиться в том насмешка, Рольвану и остаткам его отряда бы-

ло не до смеха.

– Что-то ты совсем приуныл, командир, – заметил Торис.

– А чему радоваться?

– Как чему? Ты живой, я живой. Мальчишка вот живой...

Он хлопнул по плечу полусонного Альдранда с такой силой, что его каурый шарахнулся в сторону, а сам Альдранд чуть не вылетел из седла. Выпрямился, ошалело протирая глаза.

Торис усмехнулся и заключил:

– А дрейвы мертвы. Кроме девки, ну, то невелика беда. Дэйг будет доволен – мы отомстили за его королеву. Слышал я, он обещал тебе за это какую захочешь награду?

– Не знаю, где ты мог такое услышать.

– И не узнаешь, не проси, – ухмыльнулся гигант. – А больше всего меня обрадует, когда мы доберемся до деревни или хоть какого постоянного двора. Чарка пива мигом излечит мои раны, да и твои тоже!

– Кто о чем, а ты все о пиве! Но я тоже хотел бы оказаться подальше от леса и вообще от всего этого, – Рольван перевернул плечами.

– Да уж, хватит с нас волчиц! Я предпочитаю других девок – таких податливых, знаешь? Кстати, в деревне...

– Наверно, ты прав, Дэйг будет доволен, – сказал Рольван скорее самому себе, чем приятелю. – И это всего обиднее...

– Что? Почему это?

– Почему?! Подумай сам, сколько смертей, и добро бы

на войне, так нет! Ради каких-то дрейвов, о которых мы до сих пор и думать не знали! Крахнен – чем он такое заслужил? Подумай, Торис. Чем мы вообще тут занимались?

Он увидел недоуменный взгляд друга и замолчал. Откровенничал он редко, да и Торис был не из тех, кому на пользу сложные рассуждения. В трудный час, против целой толпы врагов, не было товарища надежней. Опасности же, что приходят изнутри, вопросы и сомнения были ему непонятны, и Рольван нисколько за это не обижался.

Он усмехнулся и добавил:

– И пленных проглядели. Как мы могли?

– Ну, одного-то все ж везем! Не завидую ему – пожалел, что на свет родился! – Торис хмыкнул, не спеша накрутил на палец свой обвисший ус и изрек с непривычным глупокомыслием: – Святейшество, говорят, мудрее всех на свете. Уж он-то точно знает, как оно правильно. Его и спроси, а он тебе скажет. А работу свою мы сделали, ведь так?

– Пожалуй.

– И вот что я тебе скажу, командир: ты хандришь, но добрая выпивка это поправит. А если еще взять девок и хорошенько их...

– Понял я, понял, – Рольван заметил, что юный Альдранд слушает уж слишком внимательно, и закончил вполголоса, для одного Ториса: – Так и поступим, решено. Дай только добраться до деревни.

Его святейшество отец Кронан, старший епископ Лиандарса, ничего не разъяснил Рольвану по его возвращении. Он был убит в ту самую ночь, которую Рольван провел на деревенском сеновале в компании Ториса, бочонка пива и двух девиц, стыдливо хихикавших поначалу и все более смелых с каждой кружкой.

Убийцу опознали по вышивке на плаще. Сопrotивляясь, Кронан схватился за воротник нападавшего и оторвал кусок, так и оставшийся в мертвых пальцах. Это оказался Гвейр, воин родом из Каэрдуна, четыре года как поступивший на службу к королю Дэйгу. Умелый боец, знаток множества песен, от древних повествований о богах и героях до трактирных непристойных стишков.

Именно за музыкальный дар вообще-то не красавца Гвейра ласково встречали на женской половине замка, в комнатах покойной королевы. Там он принимал знаки внимания от многих дам, ни одной не давая ни обещаний, ни поводов для ревности – умение, которому можно только позавидовать.

Но, кроме всего этого, Гвейр был – или притворялся – добрым другом Рольвану и Торису. Особенно Торису. Эти двое были попросту неразлучны, если только служба не забрасывала их, как сейчас, в разные места.

В последний раз Рольван и Торис видели Гвейра в ночь после казни, и он был пьян до такой степени, что не мог ходить. В ту ночь многие горевали, многие напивались, и Роль-

ван ничего не заподозрил. А должен был – уж теперь-то ясно, кто был дрейвским лазутчиком в столице, кто вместе с королевой готовил заговор, убийство и переворот.

Все сходилось. Даже то, что в личных вещах Гвейра нашлись такие же, как у королевы, деревянные фигурки древних богов. А еще, если кому мало доказательств – на лбу мертвого отца Кронана острием меча или кинжала был начертан треххвостый дрейвский знак.

Сам Гвейр не стал дожидаться ничьих выводов. Он исчез, и никто не знал куда.

Новости расходились быстро: все это дружинники узнали на постоялом дворе, где заночевали, не успевая к городу до закрытия ворот.

Ночь Рольван провел будто в тумане. Лица, предметы и голоса сливались в бессмысленное серое мельтешение. Наутро отряд выступил прежде первых лучей, и к городским воротам подъехал точно к открытию.

Едва проехав под аркой, Рольван передал Торису командование и ударил коня хлыстом. С трудом разбирая дорогу, под скрип шарахавшихся повозок и ругань прохожих, промчался по улицам к епископскому дому. Спешился, почти свалившись на крыльцо.

Двери были распахнуты. Тело епископа выставили для прощания в храме, в том самом зале, что в праздники не мог вместить всех желающих услышать проповедь отца Кронана. Теперь люди стекались туда отдать ему последнюю честь.

Но и здесь, в его доме, не было покоя от гостей. Одних вело сочувствие, других – тайное злорадство, третьи просто маялись от безделья. Безропотный Гай встречал их на крыльце и провожал внутрь, соревноваться в красноречии за обильно накрытым столом.

Но все излияния этих людей ничего не стоили в сравнении с горестным мычанием, с каким несчастный Гай упал Рольвану на грудь. Обнимая плачущего слугу, тот и сам не удержался от слез.

До сих пор он, сам не замечая, надеялся, что все это ошибка. Что войдет в дом и увидит отца Кронана, как обычно, у огня с чашей разбавленного вина, с книгой или пером и пергаментом, готовящим проповедь. Теперь надежда умерла.

– Это ты его нашел, Гай? Где? Почему он был один, без охраны?

Ответом было мычание и целая пантомима – рассказ о событиях той ночи. Понимать Гая Рольван привык еще ребенком. Вот и сейчас он без труда разобрал, как было дело.

Отец Кронан вернулся поздно, уже в темноте. Как обычно, Гай волновался и то и дело подходил к дверям. Поэтому он услышал звук экипажа и, не дождавшись стука, открыл двери. Увидел, как епископ оседает на крыльцо и темную фигуру рядом – отец Кронан хватался за нее, не то отбиваясь, не то просто пытаясь устоять на ногах.

Бросился на помощь, но убийца подставил ногу, и Гай по-

летел кувырком. Упал, ободрив лицо о камень – следы остались до сих пор. Сразу вскочил и кинулся обратно.

В передней горели две большие масляные лампы, их свет падал сквозь открытые двери на крыльцо. В этом свете Гай увидел, как убийца выдергивает клинок из спины упавшего на колени отца Кронана и вонзает его тому в грудь.

Взбежав по ступеням, Гай бросился на убийцу и снова упал, получив сильный удар в подбородок. Приподнялся на колени, но следующий удар, тяжелой рукоятью по темени, надолго отправил его во тьму.

Очнулся он возле мертвого тела своего хозяина. Убийцы нигде не было.

– Ты не разглядел его, Гай? Как он выглядел?

Новая пантомима: «Высокий, худой, в плаще».

– А лицо? Волосы?

Гай виновато изобразил, как натягивает на голову капюшон.

– Ну хоть что-нибудь, вспомни! Была же у него хоть какая-то примета!

Немой слуга задумался. Медленно приблизил к своему подбородку сжатый кулак, скосил на него глаза. Подумал еще. Поднял на Рольвана неуверенный взгляд.

– Что-то вспомнил?

Все еще неуверенно покачивая головой, Гай изобразил на своем запястье широкую полосу.

– Браслет? Можешь его описать?

Подумав, слуга протянул руку и постучал ногтем по золотой фибуле, скреплявшей на плече плащ Рольвана.

– Золото?

Гай кивнул.

– Золотой браслет, широкий, тяжелый, плетеный? А тот человек был худым, но очень ловким?

Новый кивок.

– Это он! – прошептал Рольван. – Это Гвейр!

Браслеты Гвейра, весом не меньше трех унций каждый, были частым поводом для шуток. Всякий раз, как у друзей заканчивались деньги – а случалось это постоянно, – Торис уговаривал продать их и купить выпивку. И каждый раз Гвейр с тонкой улыбкой объяснял, что браслеты достались ему от умершего отца, а тому от деда, и так до незапамятных времен, а потому и продавать их никак нельзя. И Торис успокаивался – до следующего безденежья.

– Я клянусь, – сказал Рольван, – ты слышишь, Гай, я клянусь богом, что найду его и убью. Король не откажет послать меня с отрядом, а если откажет, поеду один. Где бы он ни спрятался, хоть на самом краю света, я его найду. Я клянусь. Ты слышишь, Гай?

Слуга со всхлипом кивнул.

– Я вырву корни зла, – добавил Рольван. – Я буду преследовать это дрейвское отродье, пока один из нас не умрет, и даже мертвый я от него не отстану! Ты можешь быть спокоен, Гай. Он получит свое!

Ториса он увидел во дворе королевского замка, у конюшен, как только отдал слуге поводья своего коня. Не успевший переодеться и сменить повязки, гигант выглядел побитым и унылым донельзя. На сердце у него было явно не лучше, чем у самого Рольвана.

Правда, Рольвана это не слишком-то волновало. Он был готов обрушиться на любого, кто подвернется под руку. Ближайший Гвейров друг годился как нельзя лучше.

– Ты знал, кто он?!

– Нет! – Торис отшатнулся, чего никогда не сделал бы перед лицом врага. – Ты что, думаешь, я стал бы водиться с дрейвом?!

Его обида была искренней, и Рольван остановился. Спросил уже спокойнее:

– Если Дэйг пошлет меня за ним, ты...

– Он притворялся моим другом, а сам был дрейв! Думаешь, я не поеду с тобой?! Только Дэйг нас не за ним отправляет, командир, ты разве не слышал? Канарцы опять нарушили договор и разоряют деревни. Мы все отправляемся на север.

Пока Рольван обдумывал новость, а Торис терпеливо ждал, они прошли через двор, весь в растрескавшихся плитах, поднялись плоскими ступенями главного здания к широким резным дверям и очутились в зале. Он был полон, как городская площадь в день ярмарки.

Глубокие ниши окон пропускали мало света, и лампы вдоль стен больше чадили, чем светили. Лица и фигуры сливались в полумраке. Голоса гудели, как пчелиный рой.

Нападение канарцев, война с которыми то затухала, то вспыхивала уже много лет, обсуждалось на все лады. Все как обычно: дамы ахали, воины бахвалились, оживленные надежды заглушали мрачные предсказания. Звенели подброшенные монеты. Скрипели кожаные ножны, когда руки нетерпеливо теребили рукояти мечей. Смерть епископа оказалась почти забыта за более важными делами.

Сжав зубы, Рольван плечами и локтями прокладывал путь через зал. За спиной то и дело слышал грубый голос Ториса. У дальних дверей гигант отстал, ввязавшись в чей-то спор, но вскоре вновь оказался рядом, и королевских покоев они достигли вместе.

Король Дэйг, предводитель свободных эргов Лиандарса, при известиях о войне особо не огорчился, ни надеждами, ни предчувствиями не терзался – проще говоря, относился к ней как к надоевшей, но привычной работе.

Северо-восточные границы постоянно тревожили канарцы. Пятьдесят лет назад они поселились на побережье, получив, по договору с тогдашним королем, земли в обмен на клятвы верности и военную помощь против северян. Клятвы были нарушены всего через несколько лет, и вместо верных союзников Лиандарс получил еще один источник

тревог.

Каждую весну, как открывались морские пути, новые корабли с поселенцами приставали к восточному берегу, и каждые два-три года канарцы с оружием в руках устремлялись расширять свои владения.

Сдерживание их натиска занимало у эргов все время, что оставалось от умирения северных соседей – данцев, расков и затаринцев. Эти воинственные племена никак не могли мирно ужиться по ту сторону великой Стены императора Тибуция, но забывали раздоры всякий раз, как кому-нибудь из них приходило в голову устроить набег на южные земли.

За свою жизнь Дэйг провел четырнадцать военных кампаний. Знал победы и поражения, сражался наравне со своими солдатами, бывал ранен, дважды – серьезно, но на здоровье не жаловался. К сорока годам он трижды овдовел, имел трех законных сыновей, двух дочерей и десяток бастардов.

Глядя на него, казалось, что быть королем и воином – занятие куда менее опасное, чем быть дамой и его супругой. Что, конечно, не останавливало жаждущих королевского внимания дам. Даже теперь, когда всего десять дней прошло с казни несчастной королевы Хависсы.

Но сейчас в передних королевских покоях не было ни дам, ни развлекавших их поэтов. Сновали, входя и выходя, запыленные гонцы. Поодаль от дверей с полдесятка дружинников оживленно спорили, буквально зажав кого-то в угол. Человек этот пытался выбраться и сбежать, но его окружали все

теснее. Проходя мимо, Рольван узнал казначея.

Слуга у дверей сказал «подождите», но тут как раз вышел гонец и сразу за ним – сам король Дэйг. Торопливо кивнул в ответ на поклоны. Он казался озабоченным и искал кого-то, когда увидел Рольвана.

Лицо короля стало тревожным и немного виноватым.

– Рольван, – сказал он. – Прими соболезнования. Его смерть – горе для всей страны, но больше всех для тебя.

От теплых слов в горле встал комок. Рольван с трудом сглотнул, кланяясь еще ниже.

– Убийца, когда его поймают, не получит пощады, – добавил король.

– Государь, отправьте меня за его убийцей!

– Нет, – сказал король. – Я разделяю твою печаль, но мы выступаем завтра навстречу канарцам. И ты тоже. У меня нет лишних офицеров.

– Прошу!

– Нет, Рольван. В другой раз я сам послал бы тебя в погоню и дал бы тебе отряд, но не сейчас. Готовься к походу.

Жестом подозвав казначея, – тот с облегченным вздохом поднырнул под чью-то руку и был таков, – Дэйг зашагал прочь. Рольван упрямо сжал зубы и кинулся следом.

– Государь!

Тот остановился. Нахмурился.

– Что еще?

– Государь, – сказал Рольван. – Эрг Удерин, отправляя нас

за дрейвами, от вашего имени обещал любую награду, какой мы пожелаем.

Король нахмурился еще сильнее.

– Да, это были мои слова.

– Дрейвы уничтожены.

– Знаю. Какой награды ты хочешь?

– Только одно, государь. Отпустите меня.

– Сейчас? Ты хочешь оставить службу – сейчас?!

Рольван опустил на колени.

– Позвольте мне найти и наказать убийцу, мой король. Это единственная награда, какой я прошу. Я отправлюсь один...

– Не один, – буркнул Торис и встал на колени рядом.

Дэйг помолчал.

– Канарцы разоряют наши деревни, а двое храбрейших воинов просят у меня отставки, – произнес он с горечью. – Чего ждать Лиандарсу, если такие у него защитники? Хорошо, я сдержу слово. Отправляйтесь за ним. Но, когда найдете Гвейра, вы вернетесь и его привезете ко мне живым. Никаких расправ – судить это дело короля. Вы поняли меня?

– Благодарю, государь. Мы поняли, – ответил Рольван.

– Еще как поняли, – зловеще пробормотал Торис.

По завещанию, написанному еще несколько лет назад, отец Кронан оставил свои поместья в пяти днях езды к востоку от Эбрака обители, где некогда нашел духовное утешение и встал на путь священства. Рольвану он оставил город-

ской дом со всей обстановкой и крупную сумму в серебряных и золотых монетах.

Гай тоже получил деньги. Кроме того, епископ обязал Рольвана позволить немому слуге оставаться в доме, сколько захочет, хоть до самой смерти, разве только Гай сам решит уехать куда-нибудь. Тогда его следовало отпустить. Гай остался, и Рольван был очень этому рад.

Хлопоты, связанные с завещанием, задержали его в Эбраке до самых похорон, а след убийцы стыл. Это приводило Рольвана в бешенство. Еще хуже – он понятия не имел, в каком направлении тот след искать.

Совершив свое черное дело, Гвейр бежал и, скорее всего, покинул город на рассвете, прежде чем о преступлении узнали и выставили дополнительную стражу к воротам. Кроме Северных врат, что вели к королевскому замку и не подходили для бегства, оставались еще три, которыми он мог воспользоваться.

Затевая погоню, Рольван не знал, куда ехать – хоть монетку подбрасывай. Идею, между прочим, горячо одобрил Торис, у которого в карманах как раз нашлась одна-единственная золотая монета.

Да и то сказать, последнее слово часто остается за золотом. Коли золоту под силу брать неприступные города – и неприступных дев, тут же добавил Торис, – почему бы не доверить ему и выбор пути?

Но прежде чем Рольван всерьез согласился на этот спо-

соб, Торис высказал другую разумную мысль. Гвейр родом из Каэрдунских предгорий, где у его семьи небольшое владение. Почему бы не поехать сперва туда, а в остальном положиться на бога?

– Волк бежит к своему логову, – сказал тогда Рольван.

И вздрогнул, сообразив, что попал в точку.

– А охотники за ним, – подхватил Торис. – Паршивые дрейвы те же волки!

– Значит, на юг, а там посмотрим. Не мог он совсем не оставить следа! Будем расспрашивать в тавернах, на постоянных дворах, и... пусть нас ведет сам бог.

– Ты в храме-то был?

Рольван молча кивнул.

Он пришел в храм перед похоронами и долго стоял, глядя в застывшее, неприятно-желтое в свете свечей, лицо отца Кронана. Долго беззвучно молился и слушал, надеясь на хоть какой-то отклик, но его не было. Епископ ушел. Бог, которому он служил всю жизнь, принял его Надзвездный Свет. Осталась пустая оболочка.

И месть – еще осталась месть, и в ней было больше жизни, чем в этом холодном, неподвижном теле. Когда на гроб опустили крышку и прах навеки возвратился в прах, Рольван вздохнул с облегчением.

– Я поклялся, – сказал он теперь, – поклялся, что буду искать Гвейра, пока не найду. Он может покинуть Лиандарс, даже уплыть за море, и я последую за ним. Может быть, мне

придется искать всю жизнь. Поэтому, Торис... если решишь, что не хочешь дальше за ним гоняться...

– Ну вот еще, – возмутился Торис. – Хочешь клятву, вот тебе: пусть демоны Мрака сожрут мою душу, если я не найду этого ублюдка и не спрошу, прежде чем снести ему голову, как он смел притворяться моим другом!

Как бы ни поджимало время и ни грызло нетерпение, перед отъездом нужно было посетить Эранда. Он поправлялся в своем доме под присмотром молодой жены. Рольван отправился туда вместе с Торисом.

Раненый воин долго расспрашивал их о той ночи в лесу – сам он был без сознания и все пропустил. Принес Рольвану соболезнования и пожелал скорее найти убийцу, пообещав выздороветь и отправиться «бить канарцев за себя и за вас». На поправку он шел быстро, и друзья решили считать это доброй приметой.

Собственные раны еще беспокоили их, но помешать походу не могли. Боль в плече тревожила Рольвана меньше, чем нетерпение в мыслях, а к руке уже возвращалась подвижность.

Что до Ториса, пара кровавых царапин вообще не стоили его внимания. Порою Рольван думал, что свалить этого быка можно только ударом тарана.

Простившись с Эрандом, разошлись: Торис направился к ближайшему кабаку, Рольвану же предстоял еще один

визит, о котором за всеми бедами он чуть не забыл. Но, не в пример прочим его делам в последнее время, это было приятным. Потому и оставил его на последний вечер, чтобы увезти с собою хоть одно светлое воспоминание.

К знакомому дому на Замковой улице, что соединяла Торговую площадь и Северные ворота, Рольван отправился пешком. От бывшего епископского дома – Рольван еще не привык называть его своим, – ходьбы было от силы полчаса.

Белокаменное жилище господина Луксия, одного из сыновей старого эрга Дебринского, каждую весну утопало в яблочном цвету. Рольвану нравилось сравнивать бело-розовую нежность цветов с целомудренной красотой дочери Луксия, Эйтин.

Благородная и прекрасная, она могла выбрать жениха из знатнейших воинов страны. Но с тех пор как два года назад их представили на праздничном пиру, Эйтин предпочитала всем ухажерам Рольвана. Мало-помалу он стал частым гостем в доме ее отца и неизменным, если только позволяла служба, спутником ее прогулок и развлечений.

Несмотря на высокое происхождение, Луксий, последний из девяти сыновей эрга, не был сказочно богат. К тому же он и сам произвел на свет семерых детей, и пять из них были девочками. Потому он спокойно принял выбор младшей дочери и, хоть не дал пока согласия на брак, препятствий не чинил. Сама же девушка о свадьбе говорила, как о деле решенном.

Яблоневые ветви с пышными гроздьями цветов качались над каменной оградой с башенками – из-за них дом Луксия казался маленькой крепостью. Рольвану не пришлось брать ее штурмом: привратник пропустил его с поклоном, как члена семьи.

Пройдя усыпанной мелким песком дорожкой, оказался перед высоким крыльцом. На верхней ступени перед дверью сидел белоснежный охотничий щенок. Завидев Рольвана, он весело взвизгнул и бросился навстречу, размахивая пушистым хвостом и просясь на руки.

– Как тебе не стыдно, – сказал Рольван, подхватывая его. – Ты ведь уже взрослый пес!

Взрослый пес восторженно облизал ему щеку. Рольван отодвинул собаку на вытянутых руках.

– Ну тихо! Где твоя хозяйка, Гаст?

Ему ответил насмешливый и чуть капризный голос:

– Сколько раз говорить – не смей его баловать! Когда ты наконец научишься манерам, Рольван?

Рольван обернулся и отвесил насколько мог изящный поклон – Гаст улучил возможность и лизнул его во вторую щеку.

– Под вашим руководством, госпожа Эйтин, я стал манернее самого короля!

– Этого-то грубияна? Да он в жизни не отличит даму от кобылицы! – девушка опасливо оглянулась, но отругать ее за дерзость было некому. – Нет уж, Рольван, от тебя я жду

большого!

– Все, что пожелаете, моя госпожа!

Оказавшись рядом, Эйтин забрала и спустила на землю щенка. Ее лицо стало серьезным.

– Как хорошо, что ты пришел, – она решительно обняла Рольвана за шею. – Мне так жалко епископа, правда! Я столько ночей не могла заснуть, думала, как ты...

Рольван осторожно ответил на объятие и сразу отстранился. Меньше всего на свете он желал быть пойманным за соблазнением дочери Луксия. Этот цветок он собирался получить во владение, а не срывать украдкой.

Эйтин только исполнилось шестнадцать, и она действительно походила на цветок. Светлые волосы волнами рассыпались по ее плечам, по меховой накидке, такой же белой, как ее кожа. Дед Луксия был квирским легионером – он вышел в отставку по старости и остался в Лиандарсе после ухода войск. От него в наследство Эйтин получила темные, с хитринкой глаза и очаровательный волевой подбородок.

– Спасибо вам, госпожа.

– Ты такой ужасно правильный, Рольван! – вздохнула она.

– Вовсе нет. Я мечтаю о высочайшей награде.

– Ты просто боишься.

– Конечно. Я отчаянно трушу при мысли, что могу вас потерять.

– Вот, об этом я и собиралась тебе сообщить, – Эйтин приняла серьезный, даже печальный вид. Медленно протя-

нула: – Отец сказал...

– Что?

– Что он много думал о моем будущем... и о тебе...

– И что? Эйтин!

– Вот видишь, теперь «Эйтин»! А как же «госпожа»?

– Что он сказал?!

Девушка улыбнулась его испугу.

– Он сказал, что ты храбр и честен, и хоть невысокого происхождения, но заслужил свое место, и король очень тебя ценит. И что если ты его теперь спросишь, он скажет «да».

– Хвала Миру, – выдохнул Рольван.

Он добился этого. Он, безземельный сирота. Он женится на девушке из эргской семьи, на красавице, чистой и безупречной, как ангел. Если бы только отец Кронан был жив!

– Ты рад?

– Я счастлив, – прошептал Рольван.

Опустился на колени и расцеловал ее ладони. Эйтин отняла руки:

– Ну хватит. Пойдем в дом!

– Ваш отец дома? Я могу с ним поговорить?

– Ох, нет! Они все уехали на какой-то смотр из-за этой вашей войны! А мама теперь каждый день у моей сестры Атирне, у них вот-вот родится ребенок, – Эйтин сморщила нос. – Поэтому я одна. Я боялась, что ты не придешь, так и уедешь опять, не простившись!

– Разве же я мог? Но когда я смогу его увидеть?

– Не знаю. Завтра, может быть.

– Завтра меня здесь уже не будет, госпожа Эйтин. Я пришел только увидеть вас перед долгой дорогой... Мне так жаль!

– Разве ты не можешь задержаться всего на день?

Рассказать ей? Поймет ли она, какая жгучая потребность гонит Рольвана, как дорого стоит каждый час промедления? Или вовсе не увидит смысла откладывать свадьбу ради какой-то мести?

Он ответил:

– Не могу. Но теперь я сделаю все, чтобы скорее вернуться!

– Клянешься? – вздохнула Эйтин.

– О да!

– Ты никогда не делаешь так, как я хочу. А я все равно это терплю. Почему?

– Не знаю. Наверно, потому, что вы так добры, а я не стою даже вашего взгляда.

– Льстец. Скажи мне, – Эйтин шагнула ближе, оказалась совсем рядом, – скажи, ты будешь думать обо мне каждый день до твоего возвращения?

– Конечно!

– И каждую ночь?

Рольван улыбнулся:

– Обещаю.

– А когда вернешься и отец даст тебе согласие, ты все еще

будешь таким скучным и нерешительным?

Ответ мог быть только один. Ругая себя за неосторожность, Рольван прижал к себе ее нежное тело и несколько мгновений был счастливейшим человеком в мире.

Потом распрощался и сбежал прежде, чем его и ее благоразумию окончательно пришел конец.

Глава четвертая, пугающая

Сядь у огня и слушай. Я расскажу тебе о далекой стране лиандов, о ее прозрачных озерах и покрытых вереском холмах, о чудесах, сокрытых в глубине ее лесов. Я расскажу тебе об отважных мужах и прекрасных девах с чистой и нежной кожей и волосами мягкими как шелк.

Но еще расскажу о тварях, что приходят ночью, о порождениях другого, тайного мира. Создания те прекрасны видом, но намерения их черны, и горе тому, кто задержит взгляд на их лицах, кто послушает и пойдет на их зов. Говорят, что такой человек забудет все, что знал и любил, забудет даже собственное имя и вскоре исчезнет, и никто не узнает, что с ним стало.

И все же находятся смельчаки, решившие отыскать дорогу в иной мир. Об одном из них я и поведаю тебе сегодня.

Сказка

Не будь самонадеян и не думай, будто сама твоя вера способна оградить тебя от зла. Помни, что демоны подстерегают слабые души. Бодрствуй в молитвах и будь внимателен, чтобы не оступиться и не впасть в грех, ибо таковой становится беззащитен перед созданиями тьмы.

«Поучения святого Ауришия»

Таверна при въезде в деревеньку у излучины реки – при-

земистое строение из грубого камня, с ветхими хижинами-службами вокруг, внутри оказалась теплой и уютной после целого дня под холодным дождем. Хозяин, плотный, с виду неуклюжий, криво подпоясанный поверх фартука пестрым кушаком, вытер усы и покачал головой:

– Нет, благородные господа, одиноких всадников у нас не останавливалось. Эрг наш, да хранит его Мир, вместе с королем, говорят, воюет на севере, и его люди с ним, а кроме них какие здесь всадники? Им у нас искать нечего, да и тракт-то основной мимо идет, а мы на отшибе. Купцы, бывает, заворачивают, да они поодиночке-то не ездят, особенно теперь, с этими-то делами, – и он размашисто осенил себя божественным знаком. – Да еще в том месяце королевские дружинники были, вот так-то. Двадцать как есть человек, благородные господа – все пиво выпили. А одиноких давненько не видали, кто ж в наше время в одиночку-то ездит? Тут за ограду-то по вечерам боязно в одиночку выйти, теперь, сами знаете...

На последних словах этой речи, которую Рольван терпеливо выслушивал, в завешанную меховым пологом дверь вошел Торис, а за ним Твилл с похудевшими в дороге сумками.

– Не конюшня, а развалина, но крыша не течет, – сообщил Торис. – Овса насыпали вдоволь, я сам проследил. Теперь хорошо бы и нам корм задать.

Хозяин при этих словах почему-то очень обрадовался:

– Зададим, благородные господа, еще как зададим! Уса-

живайтесь вот, к огню, там как раз место свободно, да плащи просушите. Погода, будь она проклята! Сплошной убыток – кто пойдет в такую погоду в таверне сидеть?

На этот счет добрый хозяин поскромничал. Рольван ощутил на себе недобрые взгляды трех десятков посетителей – все как на подбор сутулы, бородаты, насуплены. Похожи, как бывает в захолустье, где все жители в родстве.

Поодаль пристроился одинокий музыкант с волынкой, что издавала на редкость несчастные звуки. На него поглядывали хмуро, но в оловянной кружке на столе блестела горстка медяков.

Торис скривился:

– Хвост ему прищемили, что ли?

– Брось, – сказал Рольван. – Пусть играет.

Он вытащил и бросил в кружку мелкую монетку. Волынщик, не прерывая игры, изобразил признательную гримасу.

Обойдя его, все трое устроились за столом. Жар огня мигом согрел их и прогнал память о мороси за дверью. Мокрые плащи заботливый хозяин развесил у очага.

Еще в начале пути решили, что образ дружинников скорее помешает, чем поможет в поисках. Особенно если забираться в глухие места, где любви к верховной власти не бывало отродясь, а старики еще бредят сказками о свободных кланах и мудрых дрейвах. Все трое казались обычными путниками: в льняных рубахах со штанами, коротких туниках и темных дорожных плащах. Вооружены были, правда, до зу-

бов, но здесь уж ничего не поделаешь.

Зато кольчуги и шлемы, по которым любой признал бы в Рольване и Торисе знатных воинов, сменили простые кожаные панцири с нашитыми бляшками, да и те остались в седельных сумках. Единственный враг, что встретился им пока – дождь, а таскать на себе намокшую кожу не хотелось никому.

Из дальней двери за очагом вышла женщина, полногрудая, опрятная, сразу видно – хозяйка приличного заведения. Перед голодными путниками появились миски с наваристой бараньей похлебкой, свежий хлеб и кувшин ячменного эля.

Рольван осушил чашу в несколько глотков и почувствовал себя вполнину не таким злым и промокшим, как пару минут назад. С облегчением принялся за еду. Спутники не отставали.

Местные глядели с неприязнью, переговаривались негромко, но ссору затевать не спешили, и Рольван решил не обращать внимания.

Волынщик затянул новую мелодию, еще пронзительнее прежней.

– Что делать будем, командир? – спросил Торис, вытирая рукавом усы.

Рольван пожал плечами и потянулся к кувшину. Он не знал ответа.

Третью неделю ехали они к югу, сворачивая на всяком постоялом дворе, у всякого придорожного трактира, описыва-

ли приметы Гвейра буквально каждому встречному и всюду получали один ответ: никто его не видел.

Дважды их направляли по ложному следу. Раз они целый день скакали вдогонку за путником, который оказался вовсе не Гвейром и с которым Рольвану пришлось-таки сразиться. Обнаружив погоню, этот путник смертельно оскорбился и не желал никаких объяснений.

Если только Гвейр вместе с конем не обратился в волка или не стал невидимкой, он должен был оставить хоть какие-то следы! Хотя бы раз попасться на глаза людям! Разве что он выбрал другую дорогу или вовсе не поехал в Каэрдун.

Теперь Рольван удивлялся своей глупости. С чего беглецу спешить туда, где его в первую очередь станут искать? Разве не лучше уехать прочь из Лиандарса?

Хотя бы на север, за Стену. Там не почитают квирской веры. Там дрейву ничего не грозит. Или – кратчайшей дорогой к побережью, купить место на корабле и навсегда покинуть остров. Затеряться в огромном мире и пропасть навсегда.

А если так, они зря оставили своих товарищей и короля. И ехали совсем не в ту сторону.

Вдобавок уже неделю шли дожди, и настроение было холодным и промозглым.

Ториса смущали те же мысли. Временами Рольван жалел, что не поехал один. Тогда ему не пришлось бы отвечать на этот надоевший хуже желудочных колик вопрос.

Он скривился и ответил:

– Мы поедем дальше и будем искать, пока не найдем.

– Понятное дело, – вздохнул Торис.

Рольван пожал плечами. Торис наполнил чашу и заговорил вполголоса:

– Чудной здесь народ, скажу я тебе. Мне еще на том постоялом дворе почудилось – пуганые они какие-то, понимаешь, о чем я? Если даже и видели кого, нам не скажут.

– Пожалуй, – согласился Рольван, помолчав.

Они вправду были напуганы – и приветливый хозяин, и его пышная жена, и жалобный волынщик. Про остальных, чьи взгляды ловили каждое движение приезжих, и говорить нечего.

Рольван потер глаза. Может, усталое воображение над ним шутит, и тогда всего лишь надо завалиться на какой-нибудь тюфяк и дать себе отдых. Или же все в таверне лишь притворяются, что отдыхают, а сами то ли ждут нападения, то ли замышляют его сами.

– Хозяин! – позвал Рольван, и тот сразу очутился рядом.

– Желаете чего, благородные господа?

– Принеси еще твоего отличного эля. И сядь с нами, поговорим.

Эль действительно был неплох, и поговорить хозяин таверны не отказался.

Не задав ни одного вопроса, Рольван узнал, что погода дурная, и если дальше так пойдет, урожая хорошего нечего и ждать. Что приплод у овец и у коров в этом году на удивле-

ние здоровый, грех жаловаться, да и зима, если верить приметам, будет теплой. С другой стороны, приметам верить не след: в день святого Калиаса было морозно, а это, как все знают, к сухому лету, и что мы видим? И трех дней подряд без дождя не обошлось. Что приметы нынче ошибаются, это не к добру. Благородные господа, конечно, знают, что приметы верны всегда, кроме темных времен; а что нынешние как раз темные, то это самая что ни на есть истинная правда...

Он замолчал и осенил себя божественным знаком. Торис воспользовался паузой:

– Вот-вот, как раз об этом-то мы бы и послушали. Расскажи нам про темные времена.

– И вправду, добрый хозяин, – поддержал Рольван, – поведай нам о ваших бедах.

Эти слова прозвучали неожиданно громко в притихшей комнате. Даже волынщик отложил инструмент и уставился на Рольвана.

– А вы, благородные господа, видно, издалека, раз ничего не знаете, – заметил хозяин.

– Мы в самом деле издалека, – ответил Рольван, краем глаза наблюдая, как руки селян тянутся к поясам, к рукояткам длинных ножей.

Торис нахмурился и схватился за меч. Рольван под столом наступил ему на ногу. Гигант нехотя положил ладони на стол.

– Вижу, вас тревожит какая-то опасность. Расскажите, чтобы и мы были начеку.

Пока хозяин думал над ответом, раздалось громкое:

– Ну, хватит уже!

Человек, что поднялся из-за стола, ростом почти не уступал Торису и явно любил подраться. Рольван давно заметил его сбитые кулаки и кривой нос.

– Ишь, выспрашивают, что да как, а сами-то небось холоднее мертвого! – прорычал он, перебираясь через скамью.

Его приятели мигом вскочили и бросились к гостям.

Все случилось одновременно: полетел, выбрасывая золотую струю, на пол смахнутый со стола кувшин, Торис вскочил и наполовину вытащил меч, Рольван перехватил его руку и буквально повис на ней, а хозяин таверны решительно загородил смутьянам дорогу.

Твилл вставать не стал, но вытащил нож и поднял его так, чтобы видели все.

– А ну-ка, садись обратно! – велел хозяин. – Не в моем доме, Марх!

– Уймись, Торис, их слишком много! – прошипел за его спиной Рольван.

– Много?! – взревел Торис, но Рольван зажал ему рот ладонью и насильно усадил на скамью.

Драчун Марх тем временем остановился, удивленный отпором.

– Ты чего это, Рин? – спросил он. – Не хочешь их про-

верить?

– Протри глаза! Они едят и пьют побольше твоего!

– А я говорю – проверить, и дело с концом, – не уступил Марх.

– Проверить – что именно? – спросил Рольван.

Одной рукой он держал за плечо Ториса, другая теперь легла на рукоять меча. Селяне переводили взгляды с Марха на хозяина, на увешанных оружием и явно готовых к драке гостей. Задор угасал на глазах.

Хозяин обернулся.

Его круглая, как бородатая луна, физиономия выражала сразу растерянность и твердую решимость не допустить беспорядков. Может, он и хотел бы согласиться с Мархом, но не сделает этого.

– Что здесь вообще происходит? – спросил Рольван.

– Прощения прошу, благородные господа... – хозяин помялся и продолжил: – вы, конечно, не с юга следуете? Не с Тиринийской стороны?

– Мы едем из Эбрака.

– Ну, тогда вы, должно быть, никак не можете быть...

– Да кем мы, в конце концов, не можем быть? – воскликнул Торис. – Говорите наконец, демоны вас сожри!

– Да мы ж про демонов-то и толкуем, – раздался голос из-за спины Марха. – Вам бы, благородные господа, не лаяться, а кровь показать, всего и делов!

– Кровь?

– Да, вы уж не сердчайте, господа, – решился наконец хозяин. – Если бы вы немного порезались, только чтобы пошла кровь – мы бы и увидели, что вы не из этих...

Торис, конечно, предложил бы любому, кто желает его крови, попробовать ее взять, если сможет. Он уже открыл рот, но Рольван сжал его плечо и спросил:

– О ком вы говорите?

И ему ответили, правда, ответ этот совсем ничего не прояснил:

– О тех, кого поместили демоны.

– Демоны?

– Какие еще демоны? – от удивления Торис забыл про свой гнев.

– И при чем здесь наша кровь? – добавил Рольван.

Еще немного, и дело все же обернулось бы дракой. Дракой, в которой воинские навыки неизбежно уступили бы числу.

Они не для того отправились в путь, три недели скакали сквозь дождь и слякоть, чтобы вступать в схватку с целой толпой, да еще по такому ничтожному поводу.

Стараясь не двигаться слишком резко, Рольван вытащил кинжал и под напряженными взглядами всех в таверне провел лезвием по запястью. Тонкая линия набухла кровью, расплылась.

Рольван закусил губу.

– Сделайте так же, – велел он спутникам.

Ворча, как недовольный пес, Торис все-таки послушался. Тяжелые темные капли упали на гладкую столешницу. Твилл пожал плечами и с равнодушным видом разрезал свое запястье.

– Вот, – сказал Рольван. – Наша кровь. Что вы хотите с нею сделать?

Облегченный вздох раздался сразу со всех сторон. Лица утратили враждебность. Марх кивнул и отправился на свое место.

Хозяин заулыбался во весь рот:

– А ничего не сделать, благородные господа. Нам только видеть, что она есть, кровь-то. Вы уж не сердчайте – страшно нам...

Торис фыркнул и принялся за еду. Чужие страхи его не волновали, как не волновал и алый порез на руке. Рольван сел рядом, заметив, что остальные тоже возвращаются к своим местам.

Хозяин исчез и тут же вернулся с чистыми тряпицами – перевязать раны. Рольван кивком поблагодарил и попросил:

– А теперь, если вы нас больше не боитесь, – расскажите о демонах.

И ему рассказали.

Откуда появились демоны, никто точно не знал. Но все соглашались, что приходят они с юга, со стороны Тиринии. Была ли эта древняя страна, сосед и верный союзник Лиан-

дарса, их родиной, завсегдатаи таверны сказать не могли.

Слухи возникли пару недель назад, и все их сочли байкой, болтовней подвыпивших путешественников – проходящие из мрака ледяные фигуры, не то грозные великаны, не то мерзкие карлики, зовущие голоса, околдованные люди, не помнящие своего имени...

Такие истории хорошо слушать в праздник святой Дасты, сидя вечером у огня, перемежая разговоры с песнями. Тогда бывает приятно вспомнить, что прежде, до прихода квирской веры, этот праздник звался Валлем и был он днем открытия Врат между этим миром и тайной страной, где обитают боги и демоны.

Никому, кроме детей и стариков, что порою не лучше детей, не пришло бы в голову этим историям верить.

Но вести пришли снова. Теперь в них появились страшные подробности. Демоны приходили то в одну деревню, то в другую, застигали на дороге поздних путников. Видевшие их, кому хватало ума закрыть глаза, заткнуть уши и унести ноги, отделались испугом.

Тех же, кто шел на зов или подпускал демонов близко, поражал странный недуг. Они забывали прежние привычки, делались ко всему безразличны, не спали и не ели. Раны, если случалось им пораниться, не кровоточили, как если бы тело уже не жило. Им делалось все хуже, пока наконец, кто через два дня, кто через три, эти люди уходили, и больше их никто не видел.

Говорили, что они сами превращаются в демонов, чтобы тоже бродить по ночам, наводя погибель.

Теперь уже и самые недоверчивые, оказавшись вечером на улице, озирались с опаской. Последние же сомнения исчезли совсем недавно, четыре дня назад.

Поздним вечером в деревенские ворота, что исправно запирались на ночь, постучался измученный, с ног до головы покрытый дорожной грязью человек. Котомка за плечами да маленькая дочь, которая испуганно таращила глаза, цеплялась за отцовскую руку и вздрагивала, когда к ней обращались – вот и все, что осталось от его семьи, от имущества, от деревни на сорок домов. Демоны пришли туда в праздник, когда почти все жители с малыми детьми были вместе, горели костры и столы ломились от яств. Демонов было много, они появлялись сразу со всех сторон. Спасти не сумел почти никто.

Беглецов приняли. Добросердечные люди разделили с ними кров и пищу. Девочка, от роду не больше пяти лет, ничего не ела и ни с кем не говорила. Ручки, которыми она заслонялась от чужих взглядов, были холодными как лед. И немудрено, решили в деревне, натерпелась страху, бедняжка!

Но во вторую ночь она исчезла, ушла в темноту и не вернулась. Отца поутру нашли повесившимся на заднем дворе приютившего их дома.

– Теперь сидим вот, думаем, как быть, – закончил рассказ хозяин. – Страшно нам, благородные господа. Говорят, де-

моны священников боятся, да нет у нас своего-то. Был, да помер два месяца тому как. Обещали нового прислать, а все нету. Мы уж решили отправить кого-нибудь в Эбрак, к его святейшеству отцу Кронану, просить помощи. Он, говорят, никому не отказывает...

– Отец Кронан никому не отказывал в помощи, – у Рольвана сдавило горло при этом имени. – Он погиб от меча предателя. Когда мы уезжали, нового епископа еще не выбрали.

– Епископ погиб?!

– Да. Это его убийцу мы ищем, о нем вас расспрашивали. Увы, мы, кажется, окончательно потеряли след.

– Взаправду черные времена, – пробормотал хозяин таверны. Посетители за его спиной истоиво творили священные знаки, шепотом обсуждая новость. – Что же нам делать-то, воины?

– Молиться, – сказал Рольван. – Другого ответа у меня нет.

– Ты им веришь? – спросил Торис поздней ночью.

– А ты?

Говорили шепотом – закуток с единственным соломенным ложем, что обошелся им в две медных монеты, от хозяйской комнаты отделял лишь полотняный полог. Из-за него доносились раскатистый мужской храп, детский плач и тихий женский голос.

Торис повозился, плотнее укрываясь пахучей овчиной.

Не ахти какая постель, но они видали и похуже.

– Помнишь волчицу? – спросил он.

– Я тоже о ней подумал.

– Разве ж мы бы поверили, если б не увидели сами? И тут тоже...

– Я не отступлю, Торис, – прошептал Рольван. – Я поклялся. Я поеду дальше, пусть даже меня сожрут взаправдашние демоны. Ты можешь вернуться, если хочешь. Зачем погибать двоим?

– Ты что, думаешь, я боюсь?! – Торис от возмущения заговорил вслух, спохватился и продолжил тихо, но гневно: – Клянусь, командир, еще такое скажешь, и мы подеремся! Да пусть все демоны в мире...

– Уймись, – прервал его Рольван. – Я в тебе не сомневаюсь. Я подумал, что делаю это ради отца Кронана. Я рад умереть, лишь бы за него отомстить. А тебе он не был дорог так... так, как мне.

– Не был. Но я все равно поеду с тобой. Дрейвку-оборотня я уже видел, теперь вот увижу демонов.

– Не знаю, как ты, а я не рвусь их увидеть. Мне хватило и волчицы. Но бояться и убегать не буду.

– Вот и я тоже!

Ребенок в соседней комнате наконец затих. Рольван уже засыпал, когда Торис спросил шепотом:

– А ты, Твилл, не боишься демонов?

Слуга лежал на самом краю ложа. Он ответил просто, без

раздумий:

– Священники говорят, тому, кто бережется от греха, ничего не страшно.

– А ты бережешься?

– Стараюсь, – с достоинством промолвил Твилл.

– Вот так-то, – произнес Торис, и Рольвану в темноте показалось, что он смущен. – Бережись от греха. В той деревне, наверно, никто не берегся. Как мы с тобой, командир.

– Поздно ты об этом спохватился, – сказал Рольван. – А про меня и говорить нечего. Давайте спать.

Ему снилась мокрая в выбоинах дорога и выступающие из мрака призрачные фигуры. Клубился туман, проникая до костей, и звучали голоса, ледяные, властные, неодолимые. Он бежал, но голоса не отставали, и вот уже холодная рука легла на плечо.

Потом все исчезло. Осталась пустая дорога, и темнота, совсем не страшная, и приветливый свет из двери, где его ждут.

Рольван вошел и увидел свет очага, накрытый к ужину стол и застланную чистыми простынями постель. Женщина, что встретила его на пороге, была красива и добра. Никогда еще Рольван не желал ничего с такой силой, как пожелал ее в ту ночь.

Задыхаясь от бега, в мокром плаще, он протянул руки, и она прильнула к его груди. Он срывал с нее одежду, а она, смеясь, стаскивала с него пояс с мечом.

Потом они были вместе на постели, и Рольван, содрогаясь

от нетерпения, прижимал к себе ее податливое тело, но вместо нежности кожи его руки гладили жесткую шерсть, а ищущие губы встречал холодный оскал волчьих клыков.

Он проснулся. Надоедливо плакал ребенок, что-то терпеливо бормотал женский голос, и пахло собачьей шерстью.

Поутру, седлая коней, чтобы отправиться дальше к югу, они чувствовали на себе взгляды, какими провожают покойников.

Весь день шел дождь. Дорога, временами больше похожая на лесную тропу, размокла, конские копыта уныло месили жидкую грязь. Ни демонов, ни людей, лишь один раз навстречу прогрохотала запряженная двумя быками повозка с хмурым возницей. Скользнув по всадникам подозрительным взглядом, он что-то пробурчал и подхлестнул быков. Ни Рольвану, ни Торису не захотелось даже пытаться его спрашивать.

К вечеру лес отступил, дорога мокрой коричневой лентой пробежала меж засеянных полей, изогнулась и повела вдоль реки, широкой и светлой, с пологими песчаными берегами. От берегов выступали в воду мостки для рыбной ловли, на песке сучали яркие лодки-плоскодонки. Вода сбегала с плотины и вращала колесо мельницы.

Деревня вольготно расположилась по обоим берегам. Взгляд еще издалека привлекала остроконечная крыша часовни и целый лес причудливых флюгеров на других кры-

шах. Резные деревянные фигуры караулили дорогу, такие же возвышались у калиток или просто на заборах домов.

Рольван нахмурился, но тут же сообразил, что это не изваяния древних богов, а просто украшения. Как видно, в этих местах жил мастер-резчик, возможно, не один. Нетрудно догадаться, какие товары в лучшие времена отправлялись отсюда на ярмарки вплоть до самого Эбрака и дальше на север.

В лучшие времена – потому что они миновали. Рольван поежился, начиная понимать. Торис осенил себя святым знаком и пробормотал далеко не святое ругательство.

Вчера, в сытом тепле таверны, разговоры о демонах звучали сказками. Сегодня оказалось ясно, какая беда пришла в зажиточное и мирное селение.

В деревне не было ни души. Скрипели распахнутые двери домов. По улицам бродили пестрые коровы и овцы, тоскливо объедая с обочин траву. Исхудавшие собаки гоняли мокрых вострепанных куриц. На веревках уныло болталось по ветру белье.

Чернели обгоревшие остовы четырех домов – пожар с одного из них перекинулся на соседние и чудом не охватил всю деревню.

– Будь я проклят, если это не то самое, – сказал Торис.

– Думаю, это оно, – отозвался Рольван.

Очень хотелось пустить коня в обход, через поле. Но дорога вела в деревню, и он отогнал трусливые мысли. Медленным шагом ехали они мимо заброшенных домов, с ужасом

и любопытством глядя по сторонам.

Мор оставляет мертвые тела, война оставляет разрушения. Здесь люди просто исчезли, не взяв с собою ничего.

В крошечной тишине Рольвану почудилось, что он оглох. Он сказал, чтобы услышать свой голос:

– Они все просто ушли и не вернулись.

– Не все, – напряженно ответил Торис.

Посмотрев вперед, Рольван тоже увидел ее – женщину в пестром, но грязном и мокрому крестьянском платье. Она шла по дороге навстречу, спокойно, как будто не замечала запустения вокруг или слишком устала, чтобы бояться.

Первым вперед устремился слуга. Подстегнул коня и через пару минут уже был рядом. Сказал что-то, но ответа не получил. Женщина прошла мимо и направилась дальше, к Рольвану и Торису. Твил растерянно смотрел ей вслед.

– Куда ты идешь, женщина? – спросил Торис, подъехав ближе.

И только тут она заметила, что больше не одна. Вздрогнула, шарахнулась и хотела кинуться бежать.

Рольван перегородил ей дорогу своим конем.

– Там никого нет, – сказал он. – Деревня пуста. Тебе лучше отправиться с нами, мы отвезем тебя к людям. У тебя есть близкие не из этой деревни?

Вблизи незнакомка оказалась молода и красива, только грязное, когда-то нарядное платье и волосы сосульками придавали ей отталкивающий вид. Она не ответила. Стояла, ти-

хонько покачиваясь. Рольван не мог понять по лицу, о чем она думает. Неожиданно ясно вспомнился ночной кошмар.

Наклонившись с седла, он протянул ей руку:

– Не бойся нас. Мы тебя не обидим.

И тогда она бросилась. По-звериному быстро подпрыгнула, двумя руками ухватила Рольвана за рукав и с рычанием потянулась зубами к его горлу. Глаза ее были пусты.

Монах, приученный к битвам, понял это как нападение. Взметнулся на дыбы, сбросив несчастную на землю и норовя опустить копыта ей на голову – Рольван отвернул его в последний момент.

Женщина снова зарычала, поднимаясь.

– Осторожно! – воскликнул Торис, но Рольван уже направил коня вперед.

– Поехали отсюда!

– А с ней что делать?

– Поехали!

Когда деревня осталась позади, Рольван остановился и посмотрел назад. Он думал, женщина пойдет следом, но ошибся.

Его спутники глядели растерянно.

– Как же?.. – спросил Торис.

– Она уже мертва, – объяснил Рольван, сам удивляясь своей беспросветной уверенности. Вчерашний сон так и стоял перед глазами. – Сегодня ночью она уйдет и никогда не вернется.

Ночь провели в лесу, и даже безгрешный Твилл, и тот чувствовал себя неудобно. Торис не выпускал из рук меча. Рольван шепотом молился.

На следующий день еще до заката выехали к пересечению дорог. Отсюда накатанный путь вел в Каэрдун, край зеленеющих гор и прозрачных озер, лучших в мире лучников и прекрасных дев, – равного ему нет ни в Лиандарсе, ни вообще на земле. Так, во всяком случае, утверждали его уроженцы.

И хоть эрги Каэрдуна давно признали верховную власть королей, местные лиандарсцами себя не считали. «Я родом из Каэрдуна» – говорили они с таким видом, будто намекали на принадлежность к королевской семье. Эта заносчивость, общая для высокородного эрга и нищего крестьянина, отличала и Гвейра.

Другая дорога уводила на юг, через Сторкс и Радинбери за пределы Лиандарса, в Тиринию. Третья через полмили подходила к увенчанным башенками воротам Гида, города, куда непременно следовало завернуть всем, кто следовал с товарами с юга, севера или востока.

Возле самой развилки, поджидая поздних путников, расположился постоялый двор. Окруженный высоким частоколом, за которым угадывались кровли множества строений, он казался надежным убежищем и от разбойников, и от волков, и даже от демонов.

Рольван решительно повернул к воротам. Несмотря

на ранний час, те оказались закрыты. Рольван несколько раз ударил в железный щит висящим рядом молотком. После четвертого удара растворилось окошко, такое маленькое, что снаружи был виден лишь один глаз привратника.

Глаз этот окинул гостей подозрительным взглядом, моргнул и исчез. Его место занял второй, такой же. Этот учинил еще более строгий осмотр, но ворота так и не открыл.

– Чего смотришь? – спросил у глаза Торис. Пустой желудок и странные здешние дела отбили у него остатки вежливости. – Открывай! Или у вас тут уже не рады гостям?

– Это смотря каким гостям, – живо отвечивал глаз.

Голос из-за окованных железом дубовых досок звучал неясно, но принадлежал, похоже, старику.

Торис побагровел. Рольван опередил его:

– Могу тебя уверить, мы не демоны и никогда их не встречали, – сказал он. – Недавно нам уже пришлось резать себе руки, чтобы это доказать. Мой сердитый друг будет очень зол, если ты заставишь нас делать это снова.

Глаз пропал, окошко закрылось, и тут же раздался скрежет засова.

– Придумали тоже, резаться они будут, – ворчал, отодвигая створку, седой привратник. – Будто бы старый Леган так не различит, кто здесь демонское отребье, а кто живой человек! Проезжайте, нынче у нас полно места!

Места на постоялом дворе действительно было много. Миновав службы, все трое спешили у конюшни, какой

не постыдился бы и королевский замок. В соломе у входа рылись деловитые куры. Бойцовского вида петух, чьи перья отливали синим металлом, вышагивал вокруг, то и дело останавливаясь окинуть двор подозрительным взглядом – не покушается ли кто на его верховную власть.

Две остроухие собаки с лаем бросились под копыта. Коных, выйдя следом, пинками отогнал их прочь.

Оставив Твилла проследить, как устроят лошадей, Рольван и Торис прошли в дом. И оказались в гостеприимном тепле большой комнаты, где витали запахи мяса и свежего хлеба, на вертеле над очагом вращалась баранья туша, а из кухни долетал жизнерадостный звон посуды и девичий смех.

За столом у самого очага собралась компания постояльцев – воинственного вида, при мечях и в кожаных панцирях. На столе перед ними стоял кувшин с вином, которое они потягивали в ожидании ужина.

За другим столом сидела пожилая пара, мужчина и женщина в добротных дорожных плащах, и с ними молодая девушка, наверное, дочь.

Больше в комнате никого не было, кроме слуги, вращающего вертел, хотя в лучшие дни здесь наверняка собиралось немало народу. Еще один признак странных дел, творящихся в этих местах.

Пока Рольван сговаривался с хозяином о комнате, То-

рис устроился за столом поближе к воинственной компании и успел уже справиться о новостях.

Новости оказались тревожными. Слухи о демонах охватили всю округу. Люди исчезали то тут, то там, нередко целыми семьями, правда, такого, чтобы разоренной оказалась сразу вся деревня, больше не случалось.

Демоны появлялись только ночью и ни разу не заходили в дома, поэтому с наступлением сумерек теперь все укрывались под защитой стен, если придется, то и чужих. На дорогах царило безлюдье, в путь пускались, только если совсем уж нельзя обойтись, и никогда – в одиночку.

Хозяин со слугой принесли ужин, расставили на столах, и к разговорам добавилось чавканье, хлюпанье и стук посуды.

– В Гиде священники сговорились каждый вечер обходить с молитвой городские стены, – рассказывал носатый, с похожей на метлу бородой, новый знакомый. – Помогает ли, нет, не скажу, а людям все ж спокойнее. Разведать бы, откуда эти твари приходят, да заслать святош в самое логово – может, чего бы и вымолили, а так...

И он безнадежно махнул рукой.

– Прокую с этих твоих святош, – фыркнул его сосед. – Дрейвов вот извели – те все знали. Небось нашли бы управу на эту напасть!

Носатый – он назвался Фламом – ткнул его локтем и глянул с опаской, но ничего в облике Рольвана и Ториса не вы-

давало королевских слуг. И Флам со вздохом согласился:

– Может, и верно. Дрейвы в этих делах смыслили. Да и как не смыслить, если колдуны и с богами со старыми почитай что лицом к лицу говорили? Да только что теперь-то? Нет их больше. А если где и остались, нам не помогут.

– Это точно, – согласился Торис.

– Тьфу на вас, – проворчал, не переставая жевать, еще один приятель Флама, – нашли кого поминать!

– А то, может, старые боги на нас это все и навели, в отместку-то, – заметил другой, – а?

На него шикнули, но не слишком сердито. Флам осенил себя священным знаком и решил:

– А коли и так, нашим святошам самое дело одолеть напасть. И Миру слава, и древним позор, а нам избавление. Или я не прав?

– Прав, наверное, – сказал Рольван. – Вы говорите, в одиночку никто не путешествует. Совсем уж никто? Человек, которого мы ищем, скорее всего, едет один. Он немного выше меня ростом, худой, с рыжими волосами. Может быть, вы его встречали?

Флам вытер рукавом губы и рассмеялся, указывая на своего товарища, того, что первым помянул дрейвов:

– Да вот Морен, к примеру – повыше тебя, худой как вертел, и волосы, коли их отмыть, как раз рыжие. Не подойдет? Морен наградил его свирепым взглядом.

– Нет, не подойдет, – ответил Рольван. – Тот человек

вряд ли станет называть свое имя, но зовут его Гвейром. У него хороший конь и оружие, он отлично сражается. И еще одна примета: у него могут быть браслеты на обеих руках, старинные, из темного золота. Он их никогда не снимает. Мы думаем, что он поехал в эту сторону... Но ищем уже много дней, и все без толку.

Флам, за ним остальные покачали головами:

– Никто его не видел.

Рольван со вздохом принялся за еду. Вареный горох в его тарелке был щедро сдобрен мясом и жиром, а на блюде посередине стола дымился щедрый кусок жареной баранины. В кружке пенилось пиво. Этим и пришлось обойтись, да еще тем, что нынче ночью не придется спать на сырой земле и каждый миг ждать неведомых демонов.

Он как раз отрезал баранину, когда на стол возле его локтя со стуком лег тяжелый Гвейров браслет.

Рольван дернулся и чуть не отхватил себе палец.

– Что?! – поперхнувшись, воскликнул Торис.

– Поговорить бы нам с вами, господа путники, – негромко предложил хозяин постоялого двора и кинул значительный взгляд на Флама с его командой. – Да только не здесь. Вы, как в комнату подниметесь, кликните меня.

– Договорись, – ответил Рольван.

Хозяин забрал браслет и ушел. Рольван переглянулся с Торисом.

– Похож или он?

– Сдохнуть мне на месте, если не он!

– Вот видишь, – заметил Рольван, спокойно возвращаясь к еде, хотя внутри клокотало от нетерпения. – Не зря мы сюда приехали.

Позже, в большой светлой комнате с тремя кроватями, столом и жаровней, полной горячих углей, Рольван хорошенько рассмотрел браслет. Сомнений не было – он принадлежал Гвейру.

– Про эти браслеты ты говорил? – спросил хозяин.

Он был кургузый и лысоголовый, с тряскими белесыми усами, низким лбом и быстрыми ловкими руками, что подошли бы скорее площадному вору, чем зажиточному человеку вроде него. Но цепкий взгляд подмечал каждую мелочь, оценивал многослойную грязь на сапогах, совсем недавно отросшие бороды и добротное оружие приезжих.

Рольван подумал, что хозяин не так прост, как кажется. Спросил, неохотно возвращая браслет:

– Откуда он у тебя?

Ответа не было, и Рольван потянулся к поясу за кошельком. Наконец-то золото отца Кронана принесет пользу!

– Видите, господа путники, какое дело, – хитровато зашмурился хозяин, – я, когда браслетик этот в оплату принимал, обещался молчать о них, как рыба. Да еще и сдачу отвесил, за браслет-то, честь по чести. А теперь сдается, он не такой и дорогой, как сперва показалось... Не знаю, что и де-

лать?

Торис хмыкнул. Рольван выложил на стол кошель и предложил:

– Я куплю его у тебя по той цене, в какую он тебе обошелся, и заплачу еще сверх, если сможешь найти человека, которому он принадлежал. Согласен?

Хозяин размышлял недолго:

– По рукам, господа путники!

Вскоре золото исчезло в складках его одежды, а браслет – в разом полегчавшем кошелее Рольвана.

– Найти-то будет нетрудно, вы ведь ненадолго от них отстали, – обрадовал хозяин. – Нынче утром они уехали.

– Они?

– Оба. Как приехали позавчера, сидели запершись, даже ели в комнате этой самой, а потом сорвались вдруг, как в тот раз, и уехали.

– Они, как в тот раз, – повторил Рольван. – Знаешь что, расскажи-ка лучше все по порядку. Эти люди бывали здесь раньше? Когда?

– Недели две тому как в первый раз они были. Двое, этот, которого браслет, и с ним еще один, на одном коне. Тот, второй-то, он вроде как был больной. Денег у них не было, и этот ваш приятель дал мне браслет за комнату, чтобы за больным, значит, ухаживать, да еще чтобы я слугу в город послал с поручением и коня им велел подковать.

– Что за поручение?

– Разве ж можно? Они ведь и слуге велели молчать!

– А ты, конечно, не выяснил?

Хозяин замешкался, но тут же рассмеялся, махнув рукой:

– Да и выяснять-то нечего, по правде говоря. Травницу им слуга привел из Гида, колдунью. Выходит, в самом деле тот был больной, а то мы уж испугались – тогда как раз про демонов-то слухи пошли. Но колдунья сказала – болен, а теперь пойдет на поправку. Это мне она так сказала, а о чем уж они тут закрывшись шептались, не слышал. Знаю только, что четыре дня они тут были и все взаперти, в общую залу не ходили – я тогда уж решил, как есть бегут от кого-то. А потом уж ваш приятель меня просил о них никому не рассказывать...

Он замолчал, но не потому, что устыдился своего предательства, а чтобы еще раз полюбоваться на полученные от Рольвана монеты. Торис скривился – ему, простодушному и неспособному на обман, разговор давался с трудом. Рольван взглядом велел молчать.

– Что было дальше?

– А дальше они уехали. По той дороге, что на Каэрдун.

– Ты, выходит, за ними следил? – не выдержал Торис.

– Да как можно, господа путники! Случайно узнал. Да только ж они обратно потом вернулись. Нашли, видно, где приодеться, и лошадь раздобыли вторую, а все ж без денег, а не то бы ваш приятель браслет-то непременно бы выкупил. Очень уж он о нем сокрушался.

– И уехали они сегодня утром, – заключил Рольван. – Ты случайно не узнал куда?

– Разве пристало мне следить за постояльцами? – с достоинством возразил их любезный хозяин. – Уехали и уехали.

Рольван со вздохом потянулся к кошелю.

– Но ведь знал, что они от кого-то скрываются, и поэтому случайно мог проведать, куда направились. На всякий случай. Правильно?

Хозяин припрятал очередную монету и подтвердил:

– Истинная правда, господа. Совсем случайно. Они свернули на южную дорогу и лошадей пустили в рысь. Коли хотите их догнать, надобно вам скакать во всю мочь.

Демоны – подумал Рольван, и пустое лицо несчастной женщины из деревни замаячило перед ним, как дурное видение. Но потерять ночь, подойдя так близко?

Подняв глаза, встретил нетерпеливый взгляд Ториса.

– Если они свернули с дороги, в темноте не увидим следов, – сказал Рольван.

– И днем не увидим, если ночью опять польет. Все смоеет.

– Верно. Какая там дальше дорога, знаешь? – спросил Рольван хозяина.

– На Сторкс одна дорога – горы да болота. Не зная мест, не больно-то свернешь, а до десятой мили, где старая крепость, вообще один лес. Да только как можно – ведь демоны! Солнце-то почти что село!

Точку в размышлениях поставил Твилл. Он молча сло-

жил и убрал сухую сменную одежду, в которую Рольван так и не успел переодеться, подхватил сумки и направился к дверям.

– Эй, Твилл, мы ведь еще ничего не решили! – окликнул его Торис.

– Когда решите, кони будут оседланы, – ответил слуга выходя.

Глава пятая, неожиданная

Разрушь их жертвенники и вырубь их священные рощи. Опрокинь их каменные столбы, чтобы даже имя их изгладилось из памяти людской. Потому что если уцелеет хотя бы один, люди вспомнят и придут туда снова. Тогда все, над чем мы трудились, окажется напрасным.

«Поучения святого Ауриния»

«Кто ты? – спросил он тогда. – Демон, явившийся погубить мою душу? Привидение, лесной дух? Может быть, ты сама богиня мицения, пришедшая за мной? Может быть, я уже мертв?»

Но она молчала. И он задрожал от страха, потому что увидел в ее глазах свою судьбу.

Сказка

Так и вышло, что ночь застала трех всадников скачущими по дороге на юг. Дождь перестал. Темнота казалась белесой из-за тумана. Лес обступал дорогу глухой непроглядной стеной. Сова, спрятавшись в ветвях, провожала их долгими насмешливыми криками – птица обмана и предательства, потерявшая когда-то, если верить легендам, человеческий облик в наказание за неверность.

Демоны, пришедшие из тех же древних сказок, что и изменница-сова, скалились им вслед из темноты. Ждали своего часа.

Когда восток окрасился алым и сразу, как по команде, навалилась усталость, остановились – дать краткий отдых себе и лошадям. Несколько часов чуткой дремоты в десяти шагах от дороги, и снова в путь. Долго такую гонку не выдержать ни людям, ни коням, но Рольван знал, что долго и не придется. В нем будто проснулось чутье, как у гончей собаки, которая, еще не видя зверя, чувствует его, предугадывает его рывки и знает, что осталось немного.

Теперь он был уверен, что Гвейр не свернул с дороги и уже не свернет. Не сможет уйти от судьбы, от возмездия, которое заслужил. В ножнах звенел и пел меч.

Тучи разошлись, и целый день, подгоняя коней, путники согревались и обсыхали в теплых солнечных лучах. Все время всматривались вперед, каждый миг ожидая увидеть на горизонте двух всадников, но повстречали лишь пару крестьянских подвод да пастуха, перегонявшего через дорогу ленивое стадо пестрых коров.

Дважды видели возле ручьев отпечатки подков двух лошадей и один раз те же самые отпечатки на тропе, уводящей прочь от дороги вдоль узкой лесной прогалины. Кроме них, по тропе долгое время никто не ездил, и следы во влажной земле виднелись отчетливо. Гвейр со спутником проехали здесь, но вскоре тем же путем вернулись на дорогу. Подумав, Рольван свернул на тропу.

Прогалина в лесу оказалась просекой, очень старой и порядком заросшей. Дубовая поросль, сплошь в зеленых клу-

бах терновника и жимолости, густела по обе стороны тропы. Та обернула лесистый холм и вывела к озеру, похожему на небольшую круглую чашу.

Посередине высился остров – десяток шагов каменистой земли и один-единственный стоячий камень. Гвейр со спутником были здесь: судя по следам, один из них спешился и ждал на берегу, пока другой побывал на острове и вернулся обратно.

– Что они там забыли? – спросил Торис.

Рольван покачал головой:

– Не знаю.

– Похоже, здесь было капище.

– Было и есть, иначе тропа давно бы заросла.

– Дрейвы?

– Или местные крестьяне.

– А Гвейру вдруг приспичило помолиться? – Торис сплонул на землю. – Поехали или как? Ты же не собираешься туда?

– Не знаю, – повторил Рольван.

Им вновь владело странное чувство близости с теми, кого преследовал. Не любопытство привело их сюда – нет, они искали что-то, и надеялись, и боялись найти. Отчего-то Рольван знал: чем бы ни была эта вещь, здесь ее не оказалось.

Поколебавшись, направил коня в воду.

– Ждите здесь, – бросил он через плечо.

Озеро оказалось неглубоким, у самого острова вода едва

намочила лошадиные колени. Мокрые камни хрустнули под копытами, когда конь выбрался на берег, но тут же мертвая тишина святилища подавила все звуки.

Каменный исполин возвышался над головою, сужаясь кверху, как заостренный клык. Его тень накрывала плоскую каменную плиту с углублением посередине и выбитым рисунком из трех расходящихся изогнутых лучей – знаком дрейвов. Расклеванные птицами остатки хлеба и темный след в углублении лучше всяких слов подтверждали, что святилище не заброшено.

Монах недовольно дернулся, отступил подальше от стылой тени камня. Его ноздри расширились, словно здесь пахло чем-то, чего Рольван ощутить не мог. Но и так чувствовал себя, будто забрался через окно в чужой дом, и хозяин уже крикнул стражу.

Он поднял руку, но священного знака сотворить не смог. Язык прилип к небу. Мрачная тяжесть камня нависла, грозя раздавить.

«Отец!» – взмолился Рольван мысленно.

И епископ в его памяти улыбнулся с ласковой укоризной:

«Что ты здесь делаешь, сын?»

С резким вздохом Рольван дернул поводья и поехал обратно.

– Что там? – любопытствовал Торис, когда он очутился на берегу.

– Ничего, кроме камней. Поехали, мы теряем время.

– Кто ж тебя надоумил его терять? – пробурчал Торис себе под нос, но послушно поворотил коня, и Рольван не стал отвечать.

Вернувшись на дорогу, пустились в рысь и вскоре достигли холмов, предварявших скалистый кряж перед Сторксом. Когда-то эти места были обитаемы, теперь же лишь развалины старой крепости караулили пустынное безлюдье. Среди высоких папоротников и кустов боярышника сновали кролики, чьи норы темнели почти под каждым камнем. Несколько раз промелькнул рыжий лисий хвост. Сверху коричневой молнией спикировал сокол и взлетел опять, унося в когтях трепещущую землеройку. Твилл задрал голову, глядя ему вслед.

– Заглянем туда? – предложил Торис, кивая на остатки крепости.

– Пожалуй.

Высокой холм и венчавшее его строение отчетливо темнели на фоне закатного солнца. Чем ближе, тем яснее были видны следы разрушения.

Когда-то, еще до квирского завоевания, здесь было укрепленное жилище эрга, потом некоторое время размещался квирский гарнизон. Позже его перевели в новую крепость в Сторксе. Теперь разве что пастухи со стадами укрывались в ней от дождя да изредка случайный путник находил убежище на ночь.

Годы, ветра и дожди потрудились над ней, но облик крепо-

сти еще был узнаваем. На месте рассыпанных каменных груд легко было представить защитную стену. Заросшие мхом развалины стали домом мышам и ящерицам, но все еще жалось, как птенцы к наседке, к растрескавшимся и покрытым слоями птичьего помета стенам главного здания. Большие и малые дыры в этих стенах затянула паутина. Под крышей прятались птичьи гнезда, и их обитатели встречали вечер задорным переливчатым пением.

Перед главным зданием путники остановились. Что здесь совсем недавно кто-то побывал, им сообщил примятый папоротник еще по пути к вершине. Теперь же сомнений не осталось. У обрушенного входа трава была смята и объедена – здесь стояли привязанные лошади. Перед самым входом что-то темнело. Спешившись, Торис подобрал оборванный конец ремешка от уздечки.

Переглянувшись с другом, Рольван бесшумно соскользнул с седла. Вытащил меч.

Тишина стояла такая, будто здесь от самого сотворения мира никто не бывал. Ни звука, ни движения в полумраке за дверным проемом, достаточно широким, чтобы завести лошадей внутрь.

За спиной шевельнулся Твилл, высвобождая притороченный к седлу топор. Рольван и Торис плечом к плечу шагнули в проем.

В доме никого не было. Рольван понял это сразу, как вошел, еще прежде, чем глаза привыкли к расцветенному сол-

нечными пятнами полумраку.

Впрочем, полумраком он казался совсем недолго. В дальнем конце зала участок стены был разрушен. Через пролом проникало достаточно света, чтобы в подробностях разглядеть большой круглый зал, колонны в пятнах разорванной паутины, мусор и овечий помет на полу. Черный след костра на месте разрушенного очага и кучку поленьев рядом, соломенное ложе в стороне.

Здесь и впрямь останавливались проезжие путники.

– Вот зараза! Опять опоздали! – Торис со вздохом убрал меч.

Рольван молча пересек зал. Дальняя стена частично обвалилась, как будто в нее изнутри ударили тараном. Камни давно поросли травой.

Отсюда открывался вид с холма, на остатки давно разрушенной деревни, заросшие поля, на обвалившийся мост через сбегавшую по склону речушку, на пространный луг и темную стену леса вдалеке, с восточной стороны.

А еще – на ряд высоких камней на полпути к лесу и двух всадников, подъезжавших к этим камням.

– Мы не опоздали, Торис, – проговорил Рольван. – Все нет.

Огромный золотисто-алый шар заходящего солнца навис прямо над стоячими камнями. На траве лежали их черные вытянутые тени. Всадники спешили у границы этих теней. Один – было слишком далеко, чтобы разглядеть подробно-

сти, но Рольвану все же показалось, что он узнал яркую вышивку на плаще Гвейра – остался с лошадьми, второй же медленно вошел под сень камней.

Приблизившись к самому высокому, склонил голову и замер. Пестрая накидка на плечах и ярко-рыжие, такие же, как у Гвейра, волосы – вот и все, что Рольван смог разглядеть.

– Как думаешь, кто это с ним? – спросил он подошедшего Ториса.

Тот скривился:

– А пес его разберет. Поедем за ними или дождемся? Ставлю что угодно, что они собрались ночевать здесь.

Двое внизу и впрямь никуда не торопились. Гвейр, если это был он, улегся в траву, заложив руки за голову. Лошади паслись рядом. Его спутник все так же стоял перед камнем – то ли молился, то ли чего-то ждал.

Рольвану отчетливо вспомнилось давящая тяжесть другого камня, того, что посреди озера. Не самый приятный выбор – схватиться с дрейвами в месте почитания их неумерших богов или гнаться в темноте, если дрейвы предпочтут схватке бегство.

Или дожидаться здесь, не зная, действительно ли они вернутся.

– Незаметно не подойдем, – заметил Торис. – Если побегут... темнеет, а у нас и так кони загнаны.

– Предлагаешь ждать здесь?

Гигант довольно усмехнулся:

– Тут уж не побегут.

Рольван нахмурился, но слова Ториса звучали разумно.

Гвейр вернется, даже если сам не захочет – теперь уже нет сомнений, что их встреча predetermined. Не перед чужим алтарем, а здесь, в этих старых, наверняка видевших много сражений стенах, и решится все.

«Правый видит, куда ставить ногу, и не споткнется» – сказано в Книге Мира. В этот миг Рольван поистине не мог споткнуться, как не может ошибиться меч в руках палача.

– Будем ждать, – сказал он.

Стемнело. В небе одна за другой проступили звезды. Возшла луна, большая и почти круглая. До полнолуния оставалось совсем недолго, и ночь обещала быть светлой.

Рольван то выглядывал наружу, то нетерпеливо обходил пустой зал. Обветшавшие, лишенные обстановки стены казались внутренностью скелета. Когда-то здесь было дыхание, и кровь струилась по жилам, и звучали голоса. Теперь остались одни кости, и те скоро рассыплются в прах.

Он не различал в полумраке лиц своих друзей, видел лишь силуэты. Ториса с обнаженным мечом, отрешенно глядящего в пустоту. Твилла на страже у пролома, опершегося на рукоять топора и в задумчивости прикусившего большой палец левой руки. Каменное крошево у его ног белело в лунном свете. Поодаль от входа тихо переступали и хрустели нарезанной травой привязанные к одной из колонн лошади.

Время шло, но Гвейр со спутником оставались на прежнем месте – смутные фигуры чуть темнее окружающей темноты. Рольван ждал, и чем дальше, тем быстрее его радость сменялась раздражением.

Он не так представлял себе эту встречу. Он должен был настигнуть Гвейра при свете дня, как неминуемая божья кара, и прямо взглянуть ему в лицо. Как в те времена, когда они были друзьями и никто не ждал от Гвейра предательства.

Увидеть в его глазах хоть что-то – раскаянье, объяснение? Рольван не знал. Но понимал, чего точно не хочет: караулить жертву в темноте, как разбойник, как тот, кому есть чего стыдиться, как... как сам Гвейр.

Не стоило соглашаться здесь ждать.

– Померли они там, что ли? – спросил Торис.

– Нет, – отозвался, приглядевшись, Твилл, – шевелятся.

– Уже темно. Демоны их забери, чего они там копаются?

Пойдем, Рольван. Теперь-то уж подберемся незаметно.

– Пожалуй, – согласился, Рольван вставая. Ждать дальше не было сил. – Твилл, останешься здесь. Помогать нам не нужно. И еще...

Он отвязал от пояса кошель и вложил в руку слуги.

– Если я погибну, уезжай отсюда и постарайся не достаться демонам.

– Оставьте свои деньги, – Твилл отшатнулся. – Не нужны они мне. Не погибнете вы вовсе, бог того не допустит!

– Как знаешь. Идем, Торис.

Но далеко идти не пришлось. Два всадника, два черных силуэта в светло-серой мгле, ехали навстречу, медленно и как-то уж очень беззаботно – словно пара каменных столбов оторвалась и решила прогуляться к развалинам.

Рольван шагнул назад и с обнаженным мечом в руках остановился у пролома.

– Ну, наконец, – прошептал Торис, вставая рядом. – Дождались.

Было тихо. Всадники достигли склона холма. Теперь Рольван не видел их, но чувствовал их приближение всем телом. Он слышал дыхание Ториса и знал, что за спиной, по ту сторону пролома, Твилл беззвучно шевелит губами, молясь за них обоих. Казалось, всадники должны уже появиться, но мгновение уходило за мгновением, а их не было.

Сегодня все происходит слишком медленно – подумал Рольван и тут наконец услышал лошадиный топот.

Вдруг захотелось вжаться спиной в край проема, хоть на мгновение дольше остаться незамеченным. Вместо этого он шагнул навстречу, двумя руками поднимая меч. Торис не отстал ни на миг.

Дальнейшее, расплатой за все время ожиданий, произошло очень быстро. Голова и плечи всадника показались над остатками стены, и стало ясно, что вторую лошадь он ведет в поводу. Кто-то быстрый и легкий прыгнул с крыши прямо на Ториса; тот отскочил, но нападавший с нечеловеческой ловкостью извернулся в прыжке и приземлился ему на пле-

чи.

Разворачиваясь, Рольван почти вслепую ударил прыгуна мечом, и это спасло ему жизнь: стрела всадника прошла мимо. Но и удар Рольвана не достиг цели.

Торис с рычанием наклонился вперед, пытаясь сбросить противника. Рычание перешло в хрип, слишком хорошо знакомый булькающий хрип человека, которому только что перерезали горло.

Торис тяжело повалился на землю. Прыгун же легко, как в танце, увернулся от удара Рольвана – тот оказался неловким как никогда.

Вновь свистнула тетива, и еще один предсмертный хрип сообщил Рольвану, что Твилл послушался его приказа оставаться в доме, но отругать за это слугу он уже не сможет.

Рольван закричал и бросился за прыгуном. Тот бежал, ловко обходя или перескакивая кучи камней и остатки строений. Угнаться за ним в темноте оказалось невозможно. Рольван сразу отстал.

За спиной стучали копыта. Рольван обернулся навстречу, поднимая меч. Что-то сильно ударило его по затылку.

И наступила тьма.

Сначала появились голоса. Они спорили о чем-то, но Рольван не понимал ни слова. Потом он почувствовал боль и очнулся, как будто вынырнул из темноты. Болела голова, там, куда пришелся удар, и до боли врезались ремни,

на которых повисло его тело.

Рольван открыл глаза. Он снова был в доме, накрепко привязан к одной из колонн. В нескольких шагах впереди пылал костер. Дым поднимался и уходил сквозь прореху в крыше. Там, снаружи, была глубокая ночь.

Гвейр сидел к нему спиной. Это был несомненно Гвейр, его богато расшитый, порванный и затертый плащ, его голос и манера по-собачьи встряхивать головой при разговоре.

– Нужно было убить его сразу, – говорил он. – Зачем тебе это, Игре? Клянусь псом Каллаха, ты только мучаешь саму себя! Убьем его, и забудь обо всем. Оставь это в прошлом!

– Оставлю. Но не так быстро, – был тихий ответ.

Рольван глянул и больше не смог отвести глаз. Языки пламени метались перед нею, в их свете ее и саму можно было принять за огненного демона. Рыжие растрепанные волосы, заостренные черты, почти призрачная худоба.

Изображать беспамятство не было смысла, не было смысла и просить пощады. Одно бесконечное мгновение он смотрел и поражался тому, что еще жив. И тому, что при первой встрече умудрился принять ее за мужчину.

– Здравствуй, Волчица, – сказал он. – Кажется, мы с тобой поменялись местами.

Гвейр вздрогнул, оглянулся и тут же отвернулся снова.

– Очнулся, – сказал он. – Решай, Игре. Что ты хочешь с ним сделать?

Та, кого он называл Игре, молчала.

– Собираешься убивать меня медленно? – спросил Рольван. – Может быть, помнишь – мы тебя не пытали!

Она неспешно потянулась и вытащила из пояса длинный нож, должно быть, тот самый, что отнял жизнь Ториса. Взвесила в ладони, прищурилась и вдруг метнула его в Рольвана движением столь быстрым, что тот не успел даже затаить дыхание.

Он еще не осознал, что может умереть прямо сейчас, а нож уже оцарапал ему щеку, ударился о каменную колонну и упал вниз.

– Неужели ты промахнулась, Волчица? – выдохнул он.

– Моя сестра никогда не промахивается, запомни это, Рольван, – не оборачиваясь, произнес Гвейр.

– Твоя – кто?!

– Сестра. Если бы она решила так быстро тебя убить, ты был бы мертв.

– Так же, как твой лучший друг Торис? А, Гвейр? Как епископ, которого ты убил безоружного?!

– После того, что вы сделали с Игре по его приказу, ни один из вас не должен жить. О какой дружбе ты говоришь после этого?

Гвейр так и не обернулся, но Рольван отлично представлял его лицо. Ненависть, исказившая его, наверняка была лишь отражением ненависти на лице его сестры. Что до самого Рольвана, он еще не осознал услышанного до конца, лишь ощутил трещину в своей негибаемой правоте и заспо-

рил изо всех сил:

– Мы не делали с ней... того, что ты думаешь! Если она так тебе сказала, она лжет!

– Не делали, – согласился Гвейр. – Но лишь потому, что не разглядели в ней женщину. Я неправ?

Рольван подавился гневным ответом. Гвейр слишком хорошо знал повадки дружинников и слишком хорошо знал своего друга Ториса, чтобы можно было с ним спорить.

– Тогда убейте меня. Чего вы ждете?

– Решай, Игре, – снова сказал Гвейр.

Она сидела на полу, скрестив ноги – юная девушка с усталым лицом, с темными кругами под глазами, с прилипшими ко лбу завитками рыжих волос. Но даже сейчас в ней оставалось что-то от злобного колдовства той ночи на Валль. От волчицы. Бояться и надеяться было поздно, и Рольвана охватила хмельная бесшабашность, почти восторг. Он улыбнулся и понял, что улыбка вышла по-настоящему безумной:

– Давай, превратись и загрызи меня! Клыки тебе больше к лицу, чем мужское оружие!

Она вскочила и одним движением очутилась рядом. Как она подняла нож, Рольван не заметил, лишь ощутил лезвие у горла. Не удержавшись, зажмурился. Но удара не дождался и открыл глаза – еще раз увидеть этот опьяняющий звериный взгляд.

Игре больше не смотрела на него. Она прислушивалась, отвернувшись к пролому в стене. Потом убрала нож и шаг-

нула в сторону.

– Они здесь.

Гвейр вскочил и уставился в туда же. Лицо его казалось бледным пятном.

– Ты уверена?

– Я их чувствую. А они чувствуют меня.

Враз позабытый Рольван скосил глаза, но у пролома ничего не было, не было и по ту сторону – ничего, кроме ночи. Где-то в этой ночи остались тела его погибшего друга и слуги. Догадаются ли эти двое предать их земле? Он напрягся, но путы держали крепко.

Девушка-волчица шагнула к пролому. Гвейр схватил ее за плечи, удержал. Развернул к себе.

– Не надо, Игре! Если ты погибнешь...

– Ты хочешь поспорить с богиней? – спросила она устало. – Мне велено прийти и увидеть. Я пришла. Думаешь, она потерпит, если я отступлю?

– Я тебя не пущу!

Но Игре вырвалась из его рук.

– Я должна, Гвейр. Верь мне.

– Верю, сестра, – вздохнул он. – Всегда верил и всегда буду верить.

Она пошла навстречу темноте. У проема обернулась.

– Не ходи за мной, тебя я защитить не смогу. Здесь ты в безопасности. Жди и поддерживай огонь. А этого убей, мне все равно.

Решительно подняла голову и ушла в пролом. Гвейр остался на месте, и видно было, как хочется ему броситься вслед, и как он сдерживает сам себя, и как разбирает его бес- сильная злость.

– Проклятие! – он изо всех сил ударил ногой кучку дров. Те покатались, одно попало в костер, рассыпав алые уго- лья. – Проклятие, проклятие!

– Кто там?

Гвейр вздрогнул – видно, забыл, что Рольван еще жив. Не ответил, принялся сгребать в кучу рассыпанные угли.

– Гвейр, я все еще привязан здесь, и ты не поверишь, как это злит. Убей меня, наконец, или развяжи. Чувствую себя бараном, которого начали резать и забыли.

– Ты это заслужил.

– Она правда твоя сестра?

– Да.

– Значит, ты на самом деле дрейв?

– С чего ты взял? – Гвейр уселся перед огнем, лицом к пролomu. Немедленно убивать Рольвана он не собирался, но хорошо это или плохо, тот не понять не мог. – Я не дрейв.

– У тебя нашли фигурки их богов.

– И что с того? У многих они есть. По-твоему, любой, кто молится старым богам – дрейв?

– Но ведь твоя сестра – дрейв!

Гвейр не ответил. Он смотрел в темноту, где исчезла его сестра.

– Да что там такое, Гвейр?

– Зло, – ответил тот. – Зло из другого мира. Призраки.

– Призраки? Что это значит?

Гвейр вздохнул. Рольван знал этого человека много лет, его самого или маску, но все-таки – знал. И сейчас он видел, что Гвейр отчаянно устал. Что его съедает тревога и что для ненависти у него просто не осталось сил.

Это, конечно, не помешало бы ему прикончить Рольвана, тут же забыть о нем и вернуться к своим непонятным заботам. Но Гвейр решил ответить, – быть может, просто поленился встать:

– Сам не знаю. Тот, кто знал и мог все исправить, мертв – ты его убил. Теперь это поручено Игре, и если... если она не вернется, я разрежу тебя на куски и заставлю каждый кусок умолять о смерти.

– Спасибо, что разъяснил. А если вернется, она примется за дело сама, а ты будешь молча смотреть. Так?

– Это ее право.

Рольван снова попытался ослабить ремни. Он будто опять видел кошмарный сон с демонами, дрейвами и оборотнями, и не мог даже шевельнуть рукой, чтобы сотворить священный знак.

Но хуже всего – правота и справедливая месть, те, что погнали его в дорогу, придавали сил и смелости, что еще нынче вечером делали его карающим перстом божьим – пропали. Как ни старался, Рольван не мог их вернуть. Он уже ничего

не понимал, ничего не знал, кроме своего пересохшего горла, боли и онемения во всем теле.

Игре вернулась на рассвете. Гвейр востропнулся, вскочил и бросился навстречу как раз вовремя, чтобы подхватить ее, когда она пошатнулась и чуть не упала.

– Что, Игре, что?! – воскликнул он, уводя девушку прочь от пролома.

– Холодно... – слабым голосом ответила она.

Опустилась на колени, протянула руки к огню. Гвейр стоял рядом и наверняка вспоминал других, переживших встречу с демонами. Даже Рольван похолодел от страха худшего, чем страх перед смертью.

Но вот Игре подняла голову.

– Это я, Гвейр. Успокойся. Я по правде то, что есть, у меня есть сила. Я убила их.

– Убила – всех?

– Нет, конечно! Двух, которые пришли за мной. Их много, Гвейр. Богиня сказала правду, я должна все исправить, я...

Она опустила голову и стала падать, заваливаясь набок. Гвейр подхватил ее и уложил на соломенную постель. Укрыл плащом. До Рольвана донесся слабый голос:

– Нет, подожди! Я не рассказала. Я их убила, но теперь они меня знают. Есть другие, много других. Они пришлют за мной, я им нужна, понимаешь? Я...

– Кто, Игре? Кого они за тобой пришлют?

Но девушка не отвечала. Гвейр плотнее укутал ее плащом

и прошептал:

– Спи.

Вернулся к огню. Тот догорал, но сквозь дыры в крыше и открытые с двух сторон проемы проникал серый утренний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.